

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Фантастическая повесть

I

Планета называлась Эланой. Третья группа, отсутствие биосферы, сорок парсеков от базы, для человека безопасна. Глеб захлопнул люцию и включил обзорный локатор. Он не понимал, для чего нужны здесь дежурства у главного пульта корабля. Очередной параграф какой-то инструкции предусматривал дежурства на любой чужой планете, и никому не было дела до того, что дежурный должен томиться от безделья и скуки целых четыре часа. Координатор был большим поклонником инструкций. Глеб не удивился бы, узнав, что Рент знает наизусть все три тома космических уставов.

Почувствовав, как поднимается глухое раздражение, Танаев вспомнил о принятом решении и немного успокоился. Это его последняя экспедиция, давно пора подыскать более достойное занятие. Чего он, собственно, ждал? Чего все они искали за миллионы километров от родной планеты? Новых жизненных пространств? Запасов сырья? Все это космос уже предоставил земным колониям с лихвой. Понадобятся столетия, чтобы освоить открытые богатства. Кому теперь нужна служба дальней разведки? Что они, в сущности, находят? Немного другие камни, немного другой воздух. Иная гравитация, иные циклы времени. И все это уже не удивляло, не будоражило воображения. Чего-то они так и не нашли среди звезд. Чего-то важного, такого, без чего терялся смысл во всем этом гигантском космическом предприятии, затеянном человечеством. Во всяком случае, для себя лично он больше не находил ничего привлекательного в однообразных исследовательских полетах. Годы жизни, унесенные анабиозом, щемящее чувство волнения перед очередной посадкой и разочарование, словно его обманули... А потом долгие недели и месяцы, заполненные однообразной, надоевшей работой. Значит, все. Пора домой. Там найдется дело по вкусу.

Щелкнул аппарат связи, и сухой желчный голос координатора попросил доложить обстановку.

«Слово-то какое замшелое — «доложить», — все еще не в силах справиться с раздражением, подумал Глеб. Однако привычка к дисциплине не позволила ему выдать своего недовольства даже в тоне ответа. Он перечислил номера групп и количество людей, покинувших корабль два часа назад, и монотонно, чтобы хоть чем-то досадить координатору, стал перечислять квадраты работ отдельно для каждой группы.

— Послушайте, Танаев, эти цифры вы сообщите мне как-нибудь на досуге, а сейчас вызовите на корабль всех руководителей групп.

Координатор отключился.

— Это еще что за новости? — спросил Глеб у мигающего зрачка автомата связи.

Автомат, как и следовало ожидать, не ответил. Вызов руководителей групп в разгар работ не такое уж простое и заурядное дело. Вряд ли они согласятся без дополнительных объяснений покинуть участки работ. Глеб потянулся к интеркому, чтобы вызвать координатора. Но в это время где-то в глубинных недрах корабля возник басовитый, уплывающий за пределы слуха звук, от которого мелко задрожали переборки. В машинном началась продувка главного реактора. После этого у Глеба пропало всякое желание медлить и задавать координатору дополнительные вопросы. Произошло нечто чрезвычайное, потому что запуск главного реактора на планетах вообще не был предусмотрен. Почти сразу же на информационном табло появилось объявление об экстренном сборе корабельного совета. Это еще больше усилило тревогу. Сдав вахту, Танаев поспешил в кают-компанию.

Совет уже начался. Видимо, Кирилину только что пред-

оставили слово, и он, как обычно, мялся, не зная, с чего начинать. Всегда с ним так, если приходилось выступать перед многочисленной аудиторией, все знали эту его слабость и терпеливо ждали. Длинные руки Кирилина беспокойно бегали по столу, словно искали что-то, а большие добрые глаза, искаженные толстыми стеклами очков, казались печальными и чуть удивленными.

— Здесь много специалистов, и я, видимо, должен объяснить подробно... — Кирилин закашлялся, вытер блестящую, как шар, голову. Казалось, он чувствует какую-то свою личную вину за происшедшее.

— Все дело в кристаллокондах. Ими задается программа любого автомата. Вам не раз приходилось иметь с ними дело, когда во время работ вы сменяли один кристаллоконд на другой, чтобы дать кибу новое задание. Кристаллоконды, как вы знаете, представляют собой чрезвычайно сложную и твердую кристаллическую структуру. Ее нельзя изменить. Ее можно сломать, заменить новой, но ее нельзя частично изменить. В этом суть всей проблемы. Кристаллическая структура кондов раз и навсегда задается во время отливки на земных заводах в специальных матрицах...

Наконец кто-то не выдержал:

— Может, вы объясните, что, собственно, произошло?!

— Вот я и говорю, что кристаллоконды представляют собой сложную структуру, раз и навсегда заданную при изготовлении. Кристаллоконды двух автоматов в группе Кленова оказались измененными, в их структуре произошли некоторые сдвиги, и вместо стандартного отбора образцов кибы покинули квадрат работ, самостоятельно переместились в группу энергетического резерва и там...

Послышался смех, кто-то спрашивал у Кленова, чем он насолил своим кибам, кто-то интересовался у энергетиков, зачем они сманивают чужих роботов. Координатор постучал по столу и поднялся.

— Очевидно, не все понимают серьезности происшедшего. Эти два кристаллоконда кем-то были специально изменены таким образом, что кибы получили новое, неизвестное нам задание, которое они и выполняли в течение нескольких часов. Мы не знаем характера этих изменений, мы не знаем, кем, а самое главное — для чего это было сделано.

Несколько секунд в кают-компании было тихо.

— Может быть, перепутали конды? Кто-нибудь из команды...

— Исключено. На них остались те же самые заводские номера. Кроме того, конды непонятным образом разрушились, как только мы начали исследования.

— Разрушились? Отчего?

— Мы хотели рассмотреть их структуру под нейтринным микроскопом, чтобы определить характер изменений, но сразу же, как только включился нейтринный поток, конды распались, превратились в пыль. Я прошу экипаж со всей серьезностью отнестись к сложившейся ситуации. Создать такую сложную структуру, как конд, непростая задача. И цель, ради которой это было сделано, может оказаться весьма

серьезной. Прошу самым тщательным образом проверить всю автоматическую аппаратуру корабля. Представьте себе несколько неуправляемых автоматов в машинном отделении или пару таких блоков в центральном навигаторском...

«Да, это серьезно... — подумал Глеб. — Тут действительно не до шуток. Но к чему клонит Рент? Неужели он предполагает, что кто-то на Земле заранее изготовил эти блоки, а кто-то из членов команды умышленно их подменил?..»

— Лонга и Танаева прошу остаться. Остальные свободны.

Лонг возглавлял научный отдел корабля, вместе с координатором и Глебом они составляли руководящую тройку всей экспедиции. Едва все вышли, координатор приступил к делу:

— Надо решать, как действовать дальше. Выбор у нас небольшой. Мы можем игнорировать случившееся и продолжать работы либо, учитывая обстановку, вернуться домой. Более того, если скрупулезно соблюдать инструкции, мы просто обязаны вернуться. Однако в данном конкретном случае я не настаиваю на соблюдении инструкции и оставляю за нами право на решение. Мы должны учесть все особенности обстановки, а также и то, сколько стоит наша экспедиция на таком расстоянии от базы.

— Да, вернуться, не выполнив задание... Такое нечасто бывает. — Лонг озабоченно потер подбородок.

— Есть еще один выход. Подождать, — заметил Глеб.

— Подождать чего? — резко спросил координатор.

Глеб, сделав вид, что не заметил его резкости, спокойно пояснил:

— Подождать, пока этот таинственный фактор, изменяющий настройку наших автоматов, вновь себя проявит. Вряд ли он ограничится только двумя автоматами.

— Да, но сроки, отпущенные нам на разведку планеты, будут сорваны. Тут нужно кардинальное решение.

— Насколько я понимаю, вы за то, чтобы продолжать работы с нормальным графиком? — уточнил Лонг.

Координатор поморщился.

— Сначала я хотел бы услышать ваше мнение или хотя бы предположение, гипотезу о характере происшествия, о том, кто это мог сделать.

— А почему вы убеждены, что это чья-то злая воля? Скорее всего автоматы попали под неизвестное нам излучение природного происхождения. Например, мощный гамма-поток мог сместить внутренние структуры кондов и ослабить молекулярные связи. Достаточно было небольшого толчка в виде нейтринного излучения нашего микроскопа, чтобы они разрушились.

— Это, пожалуй, кое-что объясняет. — Координатор удовлетворенно качнул головой, а Глеб иронически усмехнулся.

— Скажите, — спросил он Лонга как мог спокойнее, — сколько именно энергии нужно для такого изменения кристаллокондов, иными словами, какова была мощность этого «природного» потока?

Он сразу же увидел, что попал в точку, в самое слабое место лонговской гипотезы.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Нужны специальные исследования.

— Однако горячие зоны наших реакторов, в которых работает не один десяток автоматов, дают что-нибудь порядка двух тысяч рентген на квадратный миллиметр. И я не слышал, чтобы хоть один конд вышел из строя. Вы знаете природное излучение, которое может дать большую мощность?

— Такие изменения могут накапливаться постепенно. В течение нескольких лет и потом резко, скачком проявить себя.

Казалось, координатор не слушает объяснений Лонга. Нахмурившись, он что-то чертил кончиком визофона на столе.

— Ты пойми меня правильно, Глеб. Нам надо дело делать. Я не могу позволить увлечь себя в дебри научных дискуссий. Планета отнесена к третьему классу. У тебя есть объективные данные, чтобы эту оценку изменить?

У него не было таких данных. У него не было ничего, кроме зловещего предчувствия, что на этот раз они поплатятся за свою беспечность, за свою древнюю привычку все делать по заранее расписанным листочкам бумаги, даже в тех случаях, когда обстоятельства не укладываются в рамки предписаний.

Каждое новое утро на Элане похоже на предыдущее. Отсутствие атмосферы лишает их разнообразия. В шесть часов раскаленный гладкий шар солнца появляется на безликом от черноты небосклоне. Мириады звезд, не притушенные атмосферой, торчат на небе весь день, и, наверное от этого, планета кажется гигантской рубкой космического корабля.

Запакованный в герметические скафандры отряд геологов из двенадцати человек едва разместился в трех карах. Кары бесшумно плыли над поверхностью планеты. Странное чувство, словно он исполняет чужую надоевшую роль, не покидало Глеба с того самого момента, когда совет поддержал решение координатора. Пятый день работы шли по нормальному графику, и до сих пор все как будто говорило о том, что его опасения безосновательны, а происшествие с киберами всего лишь нелепая случайность.

В первый день он дважды осмотрел карьер, в котором последний раз велись работы. Никто не мог точно сказать, где именно кибы перестали выполнять свою основную программу. Ничего удивительного. Автоматы работали на приличном расстоянии друг от друга, и людям трудно было контролировать весь участок. Осмотр ничего не дал. Базальт. Редкие выходы пегматитовых жил с крупными кристаллами слюды и золотистых пиритов. Отсутствие ветра и водной эрозии делали изломы скал неестественно свежими, сверкающими всеми гранями, как образцы в геологическом музее.

Еще двадцать дней. Потом работы будут закончены, и,

если ничего не случится, они улетят домой. На базе никто и не вспомнит об этом незначительном происшествии.

Кары остановились у черного разлома скал. Обычный рабочий день вступил в свои права и часа на полтора занял все внимание Глеба. Он плохо разбирался в геологии и попросился в группу Кленова только из-за этого проклятого разлома, от которого сбежали роботы. Вот он перед ним. Всегда одинаковый, с черными оспинами обсидиана, с шероховатыми плоскостями гранита. От резких теней все здесь казалось чуть мрачноватым. Много тысячелетий назад подземный толчок выдавил на поверхность эти скалы, раздробил камень причудливыми сколами. Обломками завалил глубокие трещины. Все так и осталось нетронутым на тысячи лет.

Сверху сорвался небольшой камень. Глеб вздрогнул и резко обернулся. Над ним, в просвете между каменными обломками, появилась башенка охранного киберга. Координатор расщедрился и выделил на каждую рабочую группу по два киба. Это была еще одна причина, почему Танаев оказался в группе Кленова. Слишком хорошо он знал потенциальные возможности этих боевых машин. Ему не давала покоя одна простейшая мыслешка: «Что будет, если вдруг у них тоже самопроизвольно изменится основная программа?.. Почему не может повториться то, что уже случилось здесь однажды?» Но Рент в ответ на его опасения лишь пожал плечами.

— Тогда нам вообще нечего делать в космосе. Без автоматов мы здесь шагу не ступим.

Глеб поднялся наверх и стал рядом с трехметровым стальным гигантом. Решетчатая башенка локатора на его макушке непрерывно вращалась, Глеб попросил вызвать центральный автомат корабля.

Но еще до того, как пришел ответ, в шлемофоне раздался голос Кленова:

— Глеб, ты не мог бы спуститься в третий сектор?

— А что случилось?

— Отказал нитридный взрыватель. Нам нужно было убрать небольшую стенку, взрыватель отказал, и я не могу понять причины. Спустишься посмотри.

— Хорошо. Я сейчас.

— Вызов центрального автомата отменить? — спросил робот.

— Нет. Наоборот, соедини меня с ним.

Через секунду хриловатый знакомый голос сообщил о том, что один из каналов центрального автомата переключен на его рацию. Глеб запросил информаторий и через несколько секунд уже знал ответ, который предвидел с самого начала.

Спуск требовал внимания. Широкие подошвы скафандра, упруго пружиня под ногой, вдавливали свои многочисленные мелкие шипы в неровности скал. Один неверный шаг на такой крутизне мог ему дорого обойтись. Зачем, собственно, понадобилось ему лезть наверх, к кибу? Ведь он мог вызвать его снизу, со дна разлома. Нелепость? Ну да,

всего лишь нелепость... Некие незапрограммированные действия, как у тех автоматов... Он почувствовал легкое головокружение, незнакомую раньше боль... Если его догадка верна, то все так и должно быть, теперь очередь за людьми.

Внизу двое наладчиков уже разбирали нейтринную горную мину. Механизм выглядел безупречно. А боек почему-то не доходил до капсулы, словно что-то в системе спускового механизма изменилось, исчезла какая-то важная деталь, нарушился заданный людьми порядок, и вот механизм не сработал...

Глеб долго вертел в руках металлическую коробку. Боль ушла и больше не возвращалась. Но он был уверен, что это не единственный случай такого вот необъяснимого кратковременного недомогания, что не он первый и этими мелочами дело не кончится...

Ему понадобятся самые подробные данные обо всех незначительных поломках, разладках и мелких неисправностях механизмов во всех квадратах, где велись работы. Он знал, что поломки, которые не выбивают из графика основные работы, не заносят в журналы и нигде не фиксируют. Значит, придется поговорить со всеми кибернетиками и наладчиками. Потом ему предстоит обработать эти данные на машине. Он не сомневался в результате, но для предстоящего разговора с координатором нужна была серьезная подготовка. Этот человек верил только фактам.

На сбор исходных данных у Танаева ушел целый день. После этого часа четыре он обрабатывал данные на малом расчетчике и наконец поздно вечером, закончив работу, подошел к столу с лавсановой пленкой графического анализа в руках. Это и был результат. Весь лист разделяла на квадраты бледная сетка координат. Более четко выделялись жирные линии абсцисс. Они обозначали одинаковое количество отказов, взятых в определенном временном масштабе. Абсциссы не везде смыкались. В этой части планеты работы велись неравномерно, и ему не хватало данных, но общая картина все равно получалась достаточно ясной: количество поломок, отказов, легких недомоганий людей, ведущих работы снаружи, — все это совершенно явно нарастало вокруг одного определенного участка на карте планеты.

II

Закрыв за собой дверь личной каюты, координатор Рент почувствовал, как он устал.

Бывают планеты, на которых неприятные случайности собираются словно в фокусе, но Элана побила все рекорды. Хуже всего с энергией. Без конца обнаруживались непредвиденные утечки, и повышенный расход сопутствовал каждому выходу наружу. Словно у него на складе неограниченные запасы актана! Все аккумуляторы вдвое увеличили саморазряд даже на холостом ходу. Научная группа объяс-

няет это повышенным фоном гамма-излучений, хотя, похоже, Лонг в это не очень верит. С чего бы вдруг все внутренние аккумуляторы и накопители отреагировали на этот фон! Им не раз приходилось сталкиваться с гораздо более сильными излучениями, и ничего подобного не было! Придется сокращать и так уже урезанный график работ. Слишком дорого обходятся исследования на этой планете. Ему нелегко будет отчитаться перед базой. Еще одна авария с генератором, как та, что случилась при подходе к Элане, и они не дотянут до Земли... Израсходовано шестьдесят процентов резервного топлива. Генераторы корабля работали на любой материи, и запасы инертных материалов, использовавшихся в качестве горючего, они уже полностью возобновили на Элане, но это топливо годилось только для ходовых генераторов. Все планетные работы, посадки и взлеты на малой тяге производились на актане. Только он годился для мощных автономных аккумуляторов, приводивших в действие основные системы корабля и всех кибов. Без актана они станут совершенно беспомощны. Взлет придется делать на главных двигателях, заразив радиацией немалую площадь планеты, несмотря на строжайший запрет...

Если бы только это! Участились болезни среди членов экипажа. Это было бы понятно на планете с биосферой, но как объяснить вспышки гриппа и различных инфекционных недомоганий, когда каждый выход наружу сопровождается полным комплексом дезинфекционных облучений, а в защитных скафандрах люди вообще не контактируют с планетой?! А эта история с роботами?

Танаев наверняка при возвращении напишет рапорт в комиссию и будет по-своему прав. Получится, что Рент не уделил должного внимания такому невероятному событию, как выход из строя пары роботов. Черт бы их побрал вместе с Танаевым!

Тревожные мысли наплывали одна на другую, мешали расслабиться, не давали отдохнуть. Рент потянулся к изголовью и включил мент. Первые раскаты похожей на морской прибой мелодии затопили сознание, перед глазами встали рыжие скалы, и песчаные дюны легли вокруг, словно застывшие волны океана. Но видение тут же исчезло. Резкий звук зуммера — срочного вызова — разрушил иллюзию.

Рент сидел за столом подтянутый, в застегнутой до самого горла куртке, с прямой, как палка, спиной. Ничто в его облике не выдавало недавней усталости. Глеб молча развернул на столе лист лавсана. И только когда координатор вопросительно уставился на него, сделал самые необходимые пояснения и снова надолго замолчал, ожидая, пока Рент усвоит новую информацию и примет решение. А Рент не спешил, и где-то в уголках его глаз чуть заметно дрожал огонек обиды.

Ну почему, почему они приходят к нему, словно он часть центрального автомата корабля? Почему в трудных ситуа-

циях от него ждут однозначного безапелляционного решения, в принятии которого никто не хочет помочь ему, словно они не знают, что никогда не бывает однозначных безапелляционных решений, не несущих в себе зародыша будущих неприятностей...

Вдруг Рент внутренне содрогнулся. До него только теперь дошел весь грозный смысл открытия, сделанного Танаевым. На планете существовала некая зона, площадью примерно в двести квадратных километров, в которой все неприятности, преследовавшие их с момента посадки, словно бы сгущались. В это было трудно поверить, но цифры, подсчитанные вычислителем, казались безупречными. Случайное совпадение почти исключалось. Слишком обширный материал собрал и обработал Глеб. Что же там такое? Неизвестные излучения? Нет таких излучений, которые оставили бы без внимания корабельные индикаторы. В конце концов возьят же они с собой пятнадцать человек не самых худших ученых! Один Лонг стоит десятерых. Пусть думает тоже. Рент набрал на селекторе код вызова.

Лонг поднес график к самому лицу, ощупал его и даже посмотрел на просвет.

— Это слишком невероятно для случайного совпадения. Придется проверить.

Координатор резким жестом остановил его.

— Интересно, каким образом вы собираетесь проверять? Вам знаком дефицит с актаном?

— Да. Но работа в центр этой зоны придется посылать.

— Одного робота?

— Не торгуйтесь, Рент. Вам все равно этого так не оставить. Пошлете сколько понадобится, а пока одного. И желательно не «А» класса.

— Почему?

— У меня такое впечатление, что чем проще будет механизм, тем дольше он там продержится.

— Ну хорошо. «Жук» вас устроит?

— Да... Пожалуй. Только пусть с него снимут блоки автономного управления, а двигатели переключат на релейные радиокоманды.

— Я сам все проверю. — Глеб поднялся. — Через пару часов можно будет выпускать.

— Не забудьте добавить резервные блоки анализаторов и по четыре передатчика в инокамерах с каждой стороны. Так, чтобы в случае гибели автомата мы могли получить информацию.

— Значит, обратно мне его не ждать? — Рент вопросительно поднял брови, разглядывая сморщенное лицо руководителя научной группы.

— Не знаю, Рент. Мы столкнулись здесь с чем-то таким... — Лонг пощелкал в воздухе пальцами. — Ну, в общем, по сравнению с этим цена одного автомата может оказаться ничтожной.

Внешне «Жук» напоминал подсолнечное семечко, увеличенное до размеров моторной лодки. Матовые металлические грани, сходящиеся к носу, создавали впечатление надежности. Лобовая броня «Жука» способна была отразить прямой удар лазерного луча. Наружу не выступало ни единого механизма. Не было видно даже швов. «Жук» представлял собой транспортное устройство, использовавшееся в особо сложных условиях.

На экране рубки управления виден был почти весь ангар, в котором располагался «Жук». Все было готово к пуску. В рубке вместе с Глебом сидели только Лонг и координатор.

Как только «Жук» съехал с пандуса, Рент увеличил мощность двигателя, и сразу же изображение на экране смазлось от волны раскаленных газов. Следящий автомат тут же переключился на более высокий ярус, и теперь на экране стала видна значительная часть заваленной скальными обломками поверхности планеты. Над всем этим первозданным хаосом, почти сливаясь с ним по цвету, медленно ползло металлическое семечко.

— Ты не хочешь вернуть людей на корабль? — спросил Лонг, словно ему передалась тревога, которую испытывал Глеб с того самого момента, как вернулся из карьера и начал собирать первые данные для вычислителя.

— Зачем? Мы всего лишь послали транспортный автомат в один из секторов планеты. Ты хочешь, чтобы я каждый раз из-за такого пустяка останавливал работы? Или у тебя есть более определенные соображения?

— Нет. — Лонг сморщил свое и без того изъеденное морщинами лицо. — Я не думаю, что это опасно. Но это достаточно необычно. Мы не знаем, как себя проявит то, что скрыто в этой зоне. Ведь что-то там есть?

— Вы даже в этом не уверены. И вообще, позвольте мне самому решить, что здесь опасно, а что нет! — вдруг отрезал Рент.

Теперь они молча смотрели, как «Жук» неторопливо плыл над скалами, напоминающими ледяные торосы. Казалось, в этом месте по поверхности планеты с размаху бил огромный молот. Но скалы постепенно понижались. Все чаще между ними появлялись проходы, словно кто-то вылизывал среди камней огромным шершавым языком широкие прогалины. Рент увеличил скорость и направил машину в одну из таких прогалин. Развернувшись на ровном месте, «Жук» вздрогнул и рванулся вперед.

Взглянув на показатель скорости, Глеб заметил, что стрелка далеко еще не доходит до средней отметки. Мало того, она медленно катилась назад. Видимо, координатор тоже заметил это, потому что резко, до отказа, передвинул тумблер, управляющий мощностью двигателя, и включил форсаж. Машина снова рванулась вперед. Стрелка прыгнула почти в самый конец шкалы. На экране, показывающем местность с бортовых передатчиков, мелькнула знакомая стена ущелья. Теперь «Жук» вошел в зону, в которой до сих пор еще не бывали ни люди, ни их машины. Всего

двадцать километров отделяло его от центра таинственного пятна, вычерченного Глебом на карте планеты. Вдруг изображение, транслируемое бортовыми передатчиками «Жука», потеряло четкость. Глеб крутанул настройку, но стало еще хуже.

— Что там такое?! — сразу же рассвирепел Рент. — Вы что, не можете держать настройку?

— Настройка здесь ни при чем!

— Тогда что же?

— Откуда я знаю! — огрызнулся Глеб. — Я не связист! Вы слишком засекретили наш эксперимент. Здесь могут понадобиться разные специалисты.

— Хорошо, — неожиданно согласился Рент. — Пригласите всех, кого считаете нужным. И увеличьте мощность управляющих передатчиков, машина нечетко выполняет команды. Если не хватит энергии, я запущу главный реактор, — сквозь зубы добавил координатор.

«Кажется, он начинает забывать про экономию», — пробормотал Лонг.

Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить вошедшим в рубку специалистам создавшуюся ситуацию. За это время «Жук» заметно потерял ход. Стрелка скорости, несмотря на полностью выжатый форсаж, болталась где-то посредине шкалы.

— Ну, так что там с передатчиками? — нетерпеливо спросил Рент. — Машина почти выходит из-под контроля. Что это, наводки? Экран?

— Нет. И то и другое наши приборы сразу же определяют, — уверенно ответил главный инженер. — У меня такое впечатление, что дело в самой машине.

— Да, — подтвердил связист. — Похоже, начали разрушаться телеобъективы на «Жуке». Смотрите: рябь на экране имеет характерную структуру.

— Почему же молчат бортовые анализаторы? Они должны реагировать на любое внешнее воздействие! Все поля в норме, даже радиоактивный фон не увеличился!

— Попробуйте взять левее, — вдруг вмешался молчавший до сих пор Лонг.

— Но там же скалы!

— Именно поэтому. Мне кажется, местность в остальных местах что-то уж слишком выровнялась.

«Жук» покатился в левый угол центрального экрана. На бортовых экранах замелькали нечеткие, изломанные вершины. Временами изображение исчезало вовсе. Лонг согнулся над самым экраном, что-то стараясь там рассмотреть. Он то и дело включал увеличение и фиксаторы, словно забыл, что изображение автоматически записывается центральным автоматом. Глеб хотел сказать ему об этом, но не успел.

Скалы неожиданно кончились. На какое-то время изображение на экране стало почти резким. Впереди, насколько позволяли объективы, виднелась ровная песчаная плешь. Лонг стремительно нагнулся и включил максимальное увеличение. Песок приблизился, заполнил собой экран. Глеб не

сразу понял, что его так поразило. И вдруг вспомнил, что на планете нет атмосферы и, значит, не может быть ни воздушной, ни водной эрозий. Какая же сила превратила здесь скалы в песок?

— Похоже на пыль, — пробормотал Лонг. — Нет определенной формы. Я не могу рассмотреть отдельных песчинок, не хватает резкости. Да сделайте же что-нибудь!

— Все! — сказал Рент. — Аппарат неуправляем.

На обзорном экране было видно, как «Жук», вздрогнув, остановился и вдруг стал медленно разваливаться на части. Потрясенный Глеб видел, как массивная обшивка из силиконовой брони треснула, как яичная скорлупа, и стала разъезжаться по швам. Из нее вывалились какие-то детали, словно внутренности раненого животного. «Жук» в последний раз дернулся. Потом от него отделилась вся корма вместе с ходовой частью, и изображение на экранах исчезло. Они видели только общий план скал, среди которых совсем недавно скрылся «Жук». Это работали автоматические трансляторы геологов, установленные на самом обрыве. Но оттуда было слишком далеко до места катастрофы.

Глеб почувствовал острую досаду на себя за то, что не догадался одновременно с «Жуком» перевести на нужную орбиту один из спутников наблюдения. Теперь, прежде чем они получат нужный квадрат в секторе обзора, пройдет не меньше часа.

Увидев, что он начинает набирать на пульте Центавра код поправок, координатор остановил его.

— Спутник нам не поможет. С высоты все равно ничего не видно, а если опустить его ниже, с ним скорее всего случится то же, что с «Жуком». Здесь нужны танки высшей защиты. Что вы об этом думаете?

Лонг пожал плечами.

— Я не факир и гадать не умею. Чтобы вам ответить, мне нужны обломки «Жука» и хорошо бы немного этого песка. Но с танками я не стал бы торопиться.

— Это еще почему?

— Потому что, если в однородной среде имеет место совершенно явная флуктуация, характер которой нам неизвестен, лучше всего собрать дополнительные данные, прежде чем вторгаться в саму структуру.

— Иными словами, не стоит дразнить гусей, — подсказал главный инженер. — Что же, я, пожалуй, с вами согласен.

— А я нет! — решительно вмешался Глеб. — Теперь мы просто обязаны узнать, что там такое. Наблюдения со стороны ничего нового не дадут; а если последовать вашей рекомендации, мы попросту не успеем ничего выяснить. Вторую неделю только тем и занимаемся, что наблюдаем со стороны, выполняем график работ. Но иногда стоит вспомнить о том, что поисковая служба создавалась на Земле вовсе не для подсчета запасов полезных ископаемых на чужих планетах.

— Для чего же, Глеб? — спросил координатор, с интере-

сом рассматривая своего первого пилота, словно видел его впервые.

— Для того, чтобы искать и хоть иногда находить что-то новое! Неизвестное человечеству! Вот такое, например! — Танаев зло постучал по погасшему экрану.

Несколько секунд все молчали.

— Готовьте танки, — приказал координатор. — Всех людей возвратить на корабль! Аврал по стартовому расписанию первой срочности.

За бортом корабля шла срочная погрузка. Со всех сторон тянулись длинные цепочки транспортных автоматов. Их суставчатые лапы с присосками на концах легко преодолевали рытвины и неровности первозданной поверхности планеты, лицо которой еще не бороздили ленты дорог. Казалось, сотни термитов возвращаются домой с добычей.

Чтобы видеть погрузку со стороны, Глеб переключил часть экранов на локаторы подходивших автоматов. Четырехгранная пирамида корабля, расширявшаяся книзу, со стороны производила впечатление колоссальной мощи. Так оно и было. Земля располагала всего тремя кораблями такого класса. Они использовались лишь для самых дальних разведок, в особо трудных условиях. Полная автономия, резервы топлива, достаточные для того, чтобы противостоять чудовищным гравитационным полям. Мощнейшая защита нейтринных полей, лазерные пушки, генераторы антиматерии. Казалось, ничто в космосе не могло противостоять этому стальному исполину. Но пока часть команды оставалась за бортом, после всего, что случилось с «Жуком», Глеб не мог отделаться от вполне понятной тревоги. Он в третий раз подключился к группе Кленова, которая ближе всех других находилась к опасной зоне. На экране вновь мелькнул знакомый карьер. Автомат включил трансфлоратор, и Глеб крупным планом увидел садящихся в кар людей. Площадка, где совсем недавно стояли многочисленные бурильные автоматы, уже опустела. Глеб не стал включать вызова, чтобы лишний раз не отвлекать Кленова от дела, он просто пересчитал людей. Все восемь человек были на месте. Кар тронулся и стал медленно выползать из карьера. Глеб потянулся к тумблеру, чтобы переключиться на группу Мистислова, и вдруг замер с протянутой рукой. За противоположной стеной карьера, в той стороне, откуда не вернулся «Жук», что-то происходило. Словно невидимый раскаленный ветер дунул на скалы, славящие северную стену карьера, и теперь они медленно и бесшумно оседали на глазах у Глеба. Пыль в безвоздушном пространстве планеты не могла подняться над поверхностью, и поэтому вся катастрофа выглядела нереально, как в дурном сне.

На экранах носовых локаторов, дававших обзор местности с верхней точки, это выглядело так, словно гигантское щупальце медленно и неуверенно тянулось сквозь скалы, наперерез кару с людьми. Но никакого щупальца не было. Было что-то невидимое, нечто, разрушавшее на своем пути

скалы... Глеб нажал сигнал общей тревоги и сразу же вызвал Кленова.

— Максимально увеличьте скорость! Возьмите на двадцать градусов восточнее. Вам наперерез идет... — Он заппнулся, потому что не мог подобрать нужного слова, его еще не было в лексиконе людей. Но слово не понадобилось. Кленов его понял.

— Мы видим, Глеб. Но скорость увеличить не можем. У нас садятся аккумуляторы.

Кар на экране дернулся, резко изменил направление, пытаясь уйти в сторону. Теперь лавина, если можно было назвать лавиной неведомую силу, которая нагоняла кар, шла за его кормой. Они двигались примерно с одинаковой скоростью, и до кара оставалось еще метров сто. Четкой границы у этого разрушительного потока не было. Скалы начинали терять свою форму, садиться и словно бы оплывать от нестерпимого жара... Вот только дистанционные термы показывали минус двести по Цельсию — обычную температуру поверхности планеты. Кар тянул из последних сил, он дергался, то и дело теряя скорость, словно лишился всей своей мощности и не мог преодолеть пустякового подъема. Наконец рванувшись в последний раз, машина встала. Глеб видел, как откинулся защитный колпак и тут же, отвалившись, покотился вниз. Из машины выскочили люди и побежали вверх по склону. Но они бежали медленно. Значительно медленнее неведомой силы, которая преследовала их по пятам. Нужно было что-то делать. Глеб почувствовал, как по лбу стекают крупные капли пота. Он попросту растерялся. Прошло не больше минуты с момента объявления общей тревоги, но ему казалось, что минула целая вечность, а он все еще был один в рубке и сам должен был принимать решение. Времени на раздумья не оставалось. Бежавший последним человек споткнулся и упал. Еще секунда, и будет поздно... Накрыть их защитным полем корабля с такого расстояния он не мог. Ни одна машина, посланная на помощь, не успеет... Что же делать? Что?! Мысли лихорадочно метались. Может быть, аналогия с извивавшимся щупальцем неведомого зверя помогла ему найти решение? Он не знал. Отрубить! Отсечь эту дрянь от людей! Еще один человек упал. Остальные уже не бежали. Они медленно, шатаясь, брели по склону. Кто-то остановился. Вот еще один и еще... Оборачивались, возвращались к упавшим товарищам...

Глеб схватился за рукоятки управления противометеорной пушки. Ближе всего к нему оказалось носовое орудие, оно допускало отключение автоматики. Это было то, что ему сейчас нужно. Орудие, рассчитанное на разрушение крупных материальных масс, оказавшихся на пути корабля, могло излучать и концентрировать в конце траектории мощные энергетические импульсы. У Глеба не было времени рассчитывать мощность. Он передвинул регулятор примерно на половину шкалы и сразу же поймал в перекрестие прицела середину потока. Чтобы не задеть людей аннигиляционной вспышкой, он вынужден был отвести прицел подальше, на самое дно ущелья. Какую-то долю секунды нога, нащупав-

Рисунки Н. ГРИШИНА

шая педаль спуска, еще медлила. То, что он собирался сделать, могло иметь самые неожиданные последствия. Но не было времени ни на раздумья, ни на детальный анализ ситуации. Одно он понимал совершенно четко: на глазах гибли его товарищи... Он нажал спуск. На экране полыхнул голубой сгусток взрыва. Однако он оказался намного меньше того, что Глеб ожидал увидеть, и самое поразительное — это последствия выстрела. Ничего не горело, не плавилась окружающие скалы. Не расплзлось во все стороны облако превращенной в пар и газы материи. Взрыв прошел тихо, почти по-домашнему, словно неведомая сила жадно впитала в себя почти всю его энергию.

— Отойди от пульта! — вдруг услышал он за своей спиной дрожащий от ярости голос координатора.

— Но ведь они... Они там...

И сразу же, как бы пресекая все его возражения, хлестнула в лицо уставная фраза:

— Космопилот Танаев, я отстраняю вас от должности!

Пошатнувшись, он встал, сделал шаг в сторону. Ни одной мысли не осталось в голове, ни обиды, ни горечи. Только боль за сорченные, беспомощные фигурки людей.

Секунду координатор сидел на его месте, обхватив голову руками, и ничего не предпринимал. Потом выслал отряд медиков на танках высшей защиты.

Глеб видел, как неуклюжие серые громады танков медленно, точно насекомые, ползут, перемалывая камни. Казалось, прошла целая вечность, пока они подошли к неподвижно лежащим людям и накрыли их своими защитными полями.

И все же надежда была. Сразу после выстрела разрушительная лавина прекратила свое движение. За все время, пока шли танки, она ни на миллиметр не продвинулась к людям.

Наконец в динамиках раздался искаженный голос главврача:

— Шестеро живы, отделались шоком, но двое...

— Кто?! — хриплым, незнакомым голосом выдохнул координатор.

— Максutow и Даров. Для них мы ничего не сможем сделать...

...Да, это были они. Те двое, что упали первыми и ближе всего оказались к краю смертоносного щупальца. Значит, его выстрел остановил смерть, ползущую к остальным. Теперь он мог уйти, но еще несколько секунд помедлил, разглядывая сгорбленную спину координатора. Видимо, тот почувствовал его взгляд, потому что, не оборачиваясь, проговорил:

— Возможно, на твоем месте я поступил бы так же, но это тебя не оправдывает. Мне очень жаль, Глеб...

Это означало, что решение осталось в силе и в рубле ему больше нечего делать.

III

— Что это было?

Лонг долго молчал, стараясь не смотреть на координатора.

— Я не знаю, Рент. Пока не знаю. Ответ нельзя получить немедленно. Нужны подробные исследования, нужно время.

Координатор взглянул на настенные часы.

— Я могу ждать еще шесть часов, не больше. Надеюсь, у вас теперь достаточно материалов. И прежде всего установите, что случилось с людьми.

— Медицинский сектор мне не подчиняется, — проворчал Лонг.

— Знаю. Твоя задача — выяснить, что именно их атаковало. Что или кто... С медиками я поговорю отдельно. И запомни: шесть часов, ни минуты больше.

— А почему, собственно, такая спешка?

— Ты что, не понимаешь, насколько серьезно наше поло-

жение? Мы не знаем характера атаки, мы вообще ничего не знаем! И каждую минуту это может повториться. Ты можешь гарантировать, что эта штука остановится перед защитными полями нашего корабля? Или в случае повторной атаки она прошьет его навывлет? И вообще, что это такое и что мы теперь должны делать?

Эта часть медицинского центра корабля представляла собой современное диагностическое отделение, оснащенное самым современным оборудованием. Оно было специально приспособлено для обследования пациентов, вошедших в контакт с неизвестной флорой и фауной чужих планет. И хотя в данном случае прямого контакта не было — самый тщательный осмотр скафандров пострадавших не выявил ни малейшего изъяна в их герметичной броне, — тем не менее Брэгов, главный врач корабля, до выяснения причин поражения поместил всех членов отряда геологов в изоляционное отделение.

Сразу же после вызова координатора и разговора с ним Брэгов попросил своих сотрудников сделать перерыв на два часа. Ему нужно было остаться одному и еще раз спокойно все обдумать. Он понимал, насколько важен его диагноз для установления причин того, что произошло, и поэтому не спешил с ответом на запрос координатора.

Развернув папку, Брэгов еще раз перечел характеристики состояния пострадавших в момент прибытия спасательной группы: пульс сорок-пятьдесят, психомоторные рефлексы заторможены, молочная кислота в мышцах почти полностью отсутствует, понижена температура тела и особенно кожных покровов, уменьшен систологический минутный объем крови, снижены интервалы и ограничены амплитуды энцефалограмм и кардиограмм. Общее подавленное состояние организма на фоне острой сахарной недостаточности, симптомы которой после принятых мер сразу же пошли на убыль. Картина казалась настолько ясной, настолько не вызывающей сомнений, что Брэгов недовольно крикнул.

Сахарная кома, острая энергетическая недостаточность... словно больным кто-то ввел смертельную дозу инсулина! словно они голодали десятки дней! словно из их организма в одну минуту высосали все запасы энергии! Эта последняя мысль заставила Брэгова надолго задуматься. Здесь что-то было. Что-то не имеющее непосредственного отношения к его пациентам. Ах да... роботы. Энергия, исчезающая из аккумуляторов...

Из отпущенных координатором шести часов прошло четыре. Во всех лабораториях научного отдела шла напряженная работа. Лонг вместе со своим постоянным напарником, молодым физиком Платовым, работал без перерыва. Лонг хорошо понимал Рента и знал, что дополнительного времени отпущено не будет, что ответ должен быть получен за оставшиеся два часа. Но пока ничто не указывало на то, что в исследованиях близок конечный результат. Все работы велись дистанционно. Этого требовала элементарная безопас-

ность. Камеры научного центра, снабженные сложными манипуляторами для работы с активными материалами, давали физикам такую возможность. Спасательная экспедиция привезла в специальном контейнере большую часть обшивки пострадавшего транспортера. Теперь ее разрезали на отдельные образцы, и каждая лаборатория вела свои собственные исследования.

Лонг и Платов работали с куском наружной силиконовой обшивки транспортера. Изображение обломка, увеличенное в шестьсот раз, в виде объемной голограммы транслировалось прямо в центр лаборатории. Усталости они не чувствовали, но голод давал о себе знать. Чтобы не прекращать работы, заказали ужин по центральному транслятору прямо в лабораторию, и вскоре появился киб с подносом. Рент выключил сканирующий микроскоп, но голограмма осталась. Настройка лазеров требовала слишком много времени.

— Вы помните срез с характерным рисунком? Кажется, номер сорок два — четыре? — вдруг оживился Платов. — По-моему, там что-то было. Давайте еще раз посмотрим. — Он подошел к пульта и набрал код. Засветился большой экран сканатора, в его глубине четко обозначались узловые центры кристаллической решетки. Появились сероватые распылчатые тени электронов.

— Вот здесь, в левом углу, видите? Нет ядра атома кремния. Соседние ядра кислорода и титана еще сохраняют общую структуру решетки, но узлового атомного ядра нет. Может, причина повышенной хрупкости именно в этом?

Лонг отставил чашку и подошел вплотную к экрану, словно надеясь с близкого расстояния разглядеть что-нибудь новое.

— Ну, один атом еще ни о чем не говорит... — проворчал он. — Дайте задание машине подсчитать количество таких нарушений, скажем, в кубическом миллиметре вещества, тогда посмотрим.

Платов, манипулируя клавишами пульта, набрал нужный код команд. Серия зеленых контрольных огней известила о том, что программа принята и прошла анализаторный блок. Почти сразу же изображение на экране вздрогнуло и исчезло, сменившись едва уловимым для глаз мельканием. Скорость, с которой машина меняла глубину среза, как всегда, оставалась за порогом человеческого восприятия. Теперь нужно было только ждать. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем звонок известил об окончании программы и на контрольном табло засветился ряд семизначных цифр.

— Восемь в шестнадцатой степени?.. Вы правы. Это не может быть случайным. Давайте снова тот срез. Вы проанализировали топологию всех внешних треков?

— Да, получается очень любопытная картина. Похоже, облучение шло с одной стороны. Сорок два градуса от полюса, на топокарте.

— Иными словами это результат выстрела нашей пушки?

— Совершенно верно. Но обратите внимание на энергию

воздействий. Она очень ослаблена. Такое впечатление, как будто взрыв был, по крайней мере, километрах в десяти.

— А на самом деле?

— Тысяча триста метров. Обшивка должна была оплавиться.

— Любопытно... Пожалуй, стоит провести один небольшой эксперимент. Пойдемте к навигаторам. Нам понадобится их помощь.

В рубке дежурил какой-то стажер. Увидев начальника научного отдела, он даже встал с кресла, только что не вытянулся по стойке «смирно» от почтительности. Лонгу не хотелось, чтобы у мальчишки были потом неприятности, разрешение на запуск зонда, который ему потребовался, нужно было получить у кого-нибудь постарше.

— Где Танаев?

— Вы разве не знаете? — стараясь предотвратить неловкий разговор, вмешался Платов.

— Подождите, — остановил его Лонг, — мне нужен Танаев.

— Пилот Танаев отстранен. Так решил координатор.

— Это еще что за новости? Мне нужен Танаев! Вызовите координатора.

Не дождавшись, пока практикант наберет код, Лонг нетерпеливо шагнул к видеокону.

— Говорят, ты отстранил Танаева?

— А в чем дело? — Координатор смотрел с экрана своими маленькими сонными глазками куда-то в сторону, но Лонг по опыту знал, что этот его неопределенный, направленный в сторону взгляд замечает куда больше любого из них.

— Мне нужен Глеб!

— Ну так и вызови Глеба. Если ты забыл его личный код, посмотри в справочнике.

— Он мне нужен здесь, в рубке!

— Ну знаешь, Лонг! Я не вмешиваюсь в дела твоего отдела, так что позволь и мне самому решать, кто должен быть в рубке, а кто нет. Что тебе, собственно, понадобилось?

— Ракетный зонд!

— И только-то? Тебе его запустит любой стажер. Леонов, возьмите координаты, заказ оформите, как обычно, по разделу научного отдела. — Рент отключился.

Секунду Лонг с интересом смотрел на погасший экран. — Он забыл спросить у меня, куда именно собираюсь я запускать этот зонд... Может быть, это и к лучшему. История с Глебом, видно, совсем выбила старика из колеи.

Лонг повернулся к стажеру, все еще навытяжку стоявшему перед пультом.

— Есть у вас на складе термитные снаряды?

— Термитные?.. Не знаю... Я сейчас проверю... Я никогда не слышал про такие...

— Еще бы вам о них слышать... В крайнем случае закажите начинку химикам. Это может быть необязательно

термитная смесь, любая, способная медленно гореть в безвоздушном пространстве.

Заранее рассчитывая точку посадки зонда, Лонг выбрал лощину, вклинившуюся в зону разрушений таким образом, что корабельные телескопы могли наблюдать за местом посадки. На обзорных экранах появилось изображение ровной, покрытой слоем пыли поверхности.

— Это самый край зоны. Возможно, здесь толщина пылевого покрова не так велика, и зонд не провалится, тогда мы что-нибудь увидим... Вот она, смотрите!

На экране мелькнуло узкое длинное тело ракеты. Тормозные двигатели частично замедлили ее падение, но она потеряла ориентировку и падала, беспорядочно кувыркаясь. Видимо, Леонов ошибся в корректировке, потому что ракета явно не дотянула до песчаной лощины. Она ударилась о камни на самом краю пылевой зоны. Корпус раскололся на несколько частей, из него выкатился удлинненный цилиндр термитной бомбы, подпрыгнул несколько раз и остановился у линии, за которой начинался песок.

— Извините... Двигатели выключались слишком рано, иначе я бы смог откорректировать...

— Не беспокойся! — Лонг обнял стажера за плечи. — Все получилось как надо, только бы взрыватель сработал!

— Что здесь происходит? — слышался у них за спиной недовольный голос координатора.

— Запускаем зонд, как видите. Тот самый, о котором я вас просил.

— Зонд я вижу! Но кто вам позволил направлять его в зону?

— Поверь, Рент, это было необходимо. К тому же он не в зоне. Рядом, но не в зоне. — Не отрываясь, Лонг смотрел на секундомер. — Вот сейчас, сейчас должен сработать...

— Что еще вы задумали?! Что там у вас такое?

— Всего лишь термитная бомба. Детская хлопушка, не более, успокойтесь. Это просто эксперимент с пиротехникой. Вот! Смотрите! Дайте самое большое увеличение! Да направьте же объектив точнее на самый цилиндр!

Цилиндр теперь заполнил весь экран, его оболочка треснула, изогнувшись, выворачивая наружу кипящую и бурлящую начинку.

— Так я и думал! Разве это горение?! Она едва светится. Измерьте температуру! Быстрее!

Леонов включил дистанционный пирометр, навел его перекрестие на разлившуюся вязкой лужицей желтоватую массу и щелкнул тумблером. Стрелка на шкале подпрыгнула и остановилась у отметки. Шестьсот.

— Шестьсот градусов вместо двух тысяч! Всего шестьсот...

Масса на экране уже не пенилась и не светилась, теперь она застыла бесформенной глыбой, стрелка пирометра стремительно откатывалась назад.

— Все. Фейерверк окончен.

— Так, может быть, ты все же объяснишь, для чего тебе понадобилось устраивать этот спектакль?

— М-м? Ах, да это... Подожди, Рент... — Не обращая никакого внимания на координатора, Лонг стремительно метался по рубке, Рент терпеливо ждал. Наконец, в очередной раз наткнувшись на боковое кресло, Лонг остановился.

— Все сходится. — Он достал карманный калькулятор и с полминуты что-то подсчитывал. Потом взглянул на результат, на Рента, прищурился и тихо присвистнул. — Кажется, я знаю, что там происходит, Рент. Энтропия увеличена примерно в тысячу раз. Может быть, даже в десять тысяч. Степень увеличения, очевидно, меняется в зависимости от расстояния до центра зоны.

Платов остолбенел. Он вместе с Лонгом проделал все исследование, но этот вывод казался ему слишком фантастичным. Он хотел возразить, но его опередил координатор:

— Энтропия — мировая константа, если не ошибаюсь. Она всегда и везде была неизменной. К тому же, насколько я понимаю, это просто условная величина, измеряющая...

— Совершенно верно, — подхватил Лонг. — Это всего лишь величина, измеряющая бесследное исчезновение энергии при любой реакции. Так вот здесь эта неизменная мировая константа, как ты правильно заметил, перестала быть неизменной. Она увеличилась, по крайней мере, в тысячу раз, и именно поэтому реакции горения, распада атомов да и любые другие реакции, связанные с расходом энергии, уже не могут протекать нормально. Баланс нарушен. Энергия уходит, как сквозь дырявое сито.

— Куда же она уходит?

— Если мы с тобой это выясним, нам поставят памятник еще при жизни. Можешь не сомневаться.

— Хорошо. Допустим. Что могло вызвать такое резкое нарушение? Каково происхождение этого поля?

— Ты хочешь спросить — искусственное ли оно? — Лонг усмехнулся.

— Я даже не знаю, поле ли это? Наши приборы не могли обнаружить никакого материального воздействия, мы можем наблюдать лишь следствия, следствия изменения энергетического баланса в окружающей среде. Даже степень воздействия энтропийного поля, как ты его окрестил, можно подсчитать только косвенно, так что спроси что-нибудь полегче.

— Однако эта твоя теоретическая мировая константа разрушает вполне реальные скалы. Уничтожает механизмы и убивает людей. И впрямь любой эксперимент, связанный с воздействием на внешнюю среду, будешь согласовывать со мной. Здесь не лаборатория, а чужая планета. И ты мне еще не сказал самого главного — можно ли от этого защититься?

— Если учесть данные эксперимента Танаева с выстрелом...

— Вот как? — перебил координатор. — Эта авантюра называется экспериментом?

— Если учесть данные, полученные после выстрела, —

невозмутимо поправился Лонг, — то получится, что достаточно мощное выделение энергии как бы насыщает энтропийное поле, нейтрализует его на участке воздействия. Не дает продвинуться дальше. Я надеюсь, что наши защитные поля, выделив достаточную энергию, смогут нейтрализовать энтропийное воздействие. Впрочем, это еще надо посчитать.

* * *

Вызов раздался вечером, когда Глеб, сидя в своей каюте, в третий раз играл в шахматы с Центавром. Собственно, шахматы как таковые его мало интересовали. Он хотел разгадать замысел психологов, так запрограммировавших Центавра, чтобы он проигрывал в среднем каждую третью партию. Но не просто каждую третью, а только ту, в которой Глеб играл чуть выше своих обычных возможностей. В результате игра приобретала известный интерес.

Синяя лампочка, вспыхнувшая под экраном интеркома, означала, что вызов неофициальный, идущий по личному каналу. Глеб включил интерком.

Рент сидел ссутулившись за маленьким столиком своей каюты. Экран давал его лицо крупным планом. Больше ничего нельзя было рассмотреть. Глеб дорого бы дал, чтобы побывать в каюте Рента хоть раз, чтобы составить о координаторе более подробное личное впечатление. Ренту было нелегко начать разговор. Он медленно, почти с видимым физическим усилием подбирал слова, и Глеб не собирался ему помогать.

— Я решил послать танки в центр зоны.

Он остановился, словно ожидал ответа, но, так как Глеб не прореагировал на его сообщение, продолжил:

— Лонг считает, что всякая новая информация, даже косвенная, об этой зоне обладает огромной научной ценностью. Я решил его поддержать.

— Не из-за этой ли ценности ты пошлешь туда танки? Слушай, Рент, мы с тобой летаем не первый год, так что мог бы сказать мне прямо, что тебе не с чем возвращаться на базу. А танки... Это не лучший выход. Скорей всего они попросту не вернутся.

— Я ведь не советовать с тобой хотел. Танки — дело решенное... Научный отдел гарантирует, что мощности их защитных полей будет достаточно. Мы сможем посмотреть, что делается в центре этого пятнышка. Рад? Вижу, что рад, что бы ты там ни говорил.

— Ну и чего ты хочешь от меня?

— Мне нужен руководитель в группу техников, которая будет готовить танки. Ты хорошо изучил работу механизмов в местных условиях. Да и вообще это слишком дорогое удовольствие разбрасываться специалистами твоего класса.

— Это приказ или просьба?

— Можешь считать, что просьба.

— В таком случае я отказываюсь.

— Вот как...

— Да и ты постарайся больше не обращаться ко мне с просьбами.

— Хорошо. Я постараюсь. А сейчас иди принимай группу. Кто из нас прав, не нам с тобой решать.

— Начальство с базы в таких вопросах тоже не лучший судья.

— Вот тут я с тобой согласен. Я не это имел в виду. Ты как-то обмолвился о задачах дальней разведки, помнишь? «Искать и хоть иногда находить что-то новое, неизвестное раньше...» А ты по нему из пушки. Конечно, когда гибнут товарищи, трудно решать такие вещи, кажется, просто невозможно решить и тем не менее надо. Такая у нас работа. Не можешь — лучше уйди от пульта! Нельзя забывать, что мы здесь гости.

— А танки ты все-таки посылаешь...

— На танках не будет оружия. Только приборы и защитное поле. Прежде чем уйти, мы обязаны выяснить, что там такое. Хотя после твоего выстрела неизвестно, чем это обернется. Это ты понимаешь?

Глеб отвел глаза, потом едва заметно кивнул.

— Ну вот и прекрасно. Иди принимай группу.

IV

Нижний ангар был самым большим помещением корабля. Здесь размещались его наиболее мощные транспортные и универсальные механизмы, предназначенные для планетных работ. Всю правую половину занимали четыре танка высшей защиты. В замкнутом пространстве ангара их неуклюжие, тяжеловесные махины казались неоправданно огромными и напоминали Глебу уснувших хищных динозавров.

Главный техник встретил его приветливо. Маленькое круглое лицо Орлова лучилось улыбкой с легкой примесью сочувствия. И это злило Глеба. Лучше бы он откровенно высказал неудовольствие по поводу того, что «верхнее начальство» вмешивается в дела его отдела. Глеб знал это и поэтому сразу же попросил Орлова ввести его в курс дела.

Два танка из четырех, в принципе, могли быть готовы в ближайшие шесть часов. На них уже заканчивалась проверка основных узлов и электронных блоков. Цифры на пультах контрольных автоматов могли означать все, что угодно. Глеб вовсе не собирался выдавать себя за универсального специалиста и сразу же остановил Орлова, пытавшегося на беглом техническом жаргоне объяснить ему характеристики отдельных агрегатов.

— Меня интересует только общий график работ. Время, необходимое вам на контроль, и еще, пожалуй, вот что... Сделайте двойную проверку блоков автоматического управления на ноль втором.

Впервые за весь разговор неприятная усмешка исчезла с лица Орлова, в глазах промелькнуло нечто похожее на удивление.

— Можно узнать, почему вас заинтересовал именно ноль второй?

— Все механизмы, имевшие контакт с внешней средой на этой планете, нуждаются в самой тщательной проверке, а ноль второй участвовал в спасательной экспедиции.

— Я спросил потому, что у меня появилось сомнение по поводу замедления реакций в его блоках. Однако отклонения незначительны, в пределах нормы, но я не решился запрашивать время на дополнительную проверку. Сроки на подготовку нам отпущены очень жесткие.

— В таком случае замените весь механизм.

— Это невозможно. Ноль четвертый и ноль третий находятся на консервации. Для приведения их в рабочее состояние потребуется не меньше суток.

Глеб на секунду задумался.

— Скажите, кристаллоконды управляющих автоматов на этих танках идентичны?

— Они похожи как два близнеца, но такая замена запрещена.

— Всю ответственность я возьму на себя. И не забудьте замененные конды передать кибернетикам для полного контроля по всем параметрам.

— Но если управляющая автоматика здесь настолько ненадежна, почему с машиной не пошлют водителя?

Глеб пожал плечами.

— Слишком дорогая цена за проверку теорий научного отдела. Лонг считает, что защитное поле расходом своей энергии скомпенсирует избыточную энтропию, не даст ей проникнуть внутрь машины, но никто этого не проверял на практике. Хватит с нас двоих.

За полчаса до запуска все было готово. И когда под толчком ангара вспыхнули мигающие желтые лампы, а надоедливый зудящий звук сирены напомнил о том, что людям пора покинуть ангар, техники неторопливо потянулись к выходу.

Глеб включил висевший на лацкане пиджака фон и произнес:

— Готовность первой степени. Через пятнадцать минут пуск.

Теперь вся стандартная процедура: запуск многочисленных двигателей, продувка тамбура, пуск внутренних реакторов танков на рабочий ход, опробование их защитных полей — все это перешло в ведение автоматов. Дальнейшее пребывание людей в ангаре становилось опасным. Но Глеб знал, что процедура не может начаться, пока контрольный автомат у двери не сообщит о том, что последний человек покинул ангар.

Глеб уже повернул к выходу из ангара, когда почувствовал еще не осознанный сигнал тревоги, поданный мозгом. Что-то было не так.

Ему потребовалось не больше секунды, чтобы понять причину. Сквозь раздвинутые двери грузового отсека на ноль втором, в его черной, неосвещенной глубине, в мерцающем свете наружных ламп вырисовывалась металлическая скор-

ченная глыба, своими контурами карикатурно напоминавшая присевшего на корточки человека. Это был охранный кибер. Глеб не мог ошибиться и сразу же вспомнил, что по инструкции каждому танку придавался такой охранный кибер. Но на ноль первом его не было. Это он хорошо помнил. Там они вместе с Орловым опечатали грузовой отсек, да и на ноль втором, когда меняли блоки основной программы, он не видел никакого охранныго киба! Его и не должно было быть. Рент сказал, что танки не будут оснащаться оружием для этой экспедиции. А охранный кибер — прежде всего боевой автомат, оснащенный лазерами дальнего действия и нейтринными излучателями. Когда же он появился в танке? Неужели Рент изменил свое решение? Это нуждалось в немедленной проверке. Глеб шагнул к танку.

— Назови свой номер! — Пауза. Короткая, но все же достаточная для того, чтобы Глеб насторожился. Обычно автоматы отвечали мгновенно.

— Ноль двадцать четвертый.

Так и есть! Это был тот самый робот, который сопровождал группу геологов, когда отказал взрыватель на нейтринной бомбе.

— Почему находишься здесь?

— Согласно инструкции должен сопровождать машину.

— Разве ты не получил приказа, отменяющего инструкцию?

— Нет. Координатор Рент приказал мне сопровождать машину.

Это уже была явная ложь. Кто-то из них солгал. Но так как автоматы лгать не умели, то получалось, что ему солгал Рент. Глеб почувствовал гнев.

— Соедини меня с координатором!

Опять пауза... Более длительная, чем в прошлый раз. Наконец ответ:

— Соединяю. — Снова пауза. На этот раз естественная. Канал мог быть занят.

— Координатор не отвечает.

К этому моменту Глеб уже был основательно взбешен, но взял себя в руки и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Вызывай по аварийному каналу!

Снова пауза. Все сходило на том, что эта металлическая жестянка попросту морочила ему голову! Все еще не веря, Глеб вплотную приблизился к грузовому отсеку танка, и в это мгновение желтый свет сигнальных ламп сменился красным. Он услышал, как за его спиной опустилась шлюзовая переборка, отделяющая ангар от остального корабля. Автоматы начали запуск танков по основной программе, не дождавшись, пока человек покинет опасную зону. Этого быть не могло, и тем не менее это случилось. Теперь до включения защитного поля у него оставалось примерно полторы минуты. Возникшие в момент включения поля вихревые токи обладали такой мощностью, что прикосновение к любому предмету в радиусе пятисот метров означало для него верную гибель. Через несколько секунд кровь в жилах закипит, потом лопнут сосуды, обуглится кожа, и все будет

кончено... Бежать? Бесполезно. До дальней стены сто метров, не больше. Этого недостаточно. Все выходы из ангара перекрыты... Автоматы работают надежно... Автоматы... Только они... Надо отдать приказ...

Мысли лихорадочно метались в поисках выхода, а дрожащие руки уже сорвали фон с лацкана куртки, перевели рычажок на полную мощность. Щелкнул выключатель. Бесполезно... Контрольная лампочка не загорелась. Так и должно быть. После включения основной программы связь изнутри ангара становится невозможной. Здесь сейчас не может быть ни единого человека, иначе как могла включиться основная программа?

И вдруг он снова почувствовал волну гнева на эти бедушные металлические жестянки, которые очень точно все рассчитали, точно и безошибочно, чтобы убить его через несколько секунд. Этот гнев подавил страх, помог ему сосредоточиться. Собственно, оставалось только одно. Проникнуть внутрь танка за эти оставшиеся секунды. Проще всего было броситься в широко открытые двери грузового отсека. Но в красном полумраке зловещие багровые отсветы ложились на шарообразную, неестественно раздутую голову охранного киба. На секунду Глебу даже показалось, что на его металлической роже появилась насмешливая улыбка. «Он только этого и ждет. Все было подстроено именно так, чтобы подтолкнуть меня к этому решению... Для чего-то ему это нужно... Сейчас нет времени разбираться для чего. Нужно придумать что-то другое, что-то такое, чего от него не ждут! Управляющая рубка танка уже закрыта. Значит, надо вскрыть запасной аварийный люк! Только на нем нет автоматических запоров», — лихорадочно пронеслось в голове.

Винтовой рычажный зажим не поддавался долго, слишком долго! Глеб чувствовал, как истекают последние оставшиеся у него секунды. Теперь уже было поздно предпринимать что бы то ни было... Оставалось только давить изо всех сил на этот проклятый рычаг. Казалось, он сдвинулся, прошел по окружности сантиметр-другой и окончательно заклинился, словно кто-то держал его изнутри.

Глебу казалось, что он вот-вот потеряет сознание от напряжения. Пот заливал глаза. Осталось пять секунд, четыре, три... Рычаг не поддавался. Все, теперь он не успеет...

Огненная вспышка очертила вытянутую синеватую сферу включившегося поля, и вдруг Глеб понял, что лежит внутри защитного купола между генераторами гравиподушки. А это означало, что наружные токи, возникшие за границей защитного поля, ему не страшны, и у него появилось время... Правда, немного, еще секунд сорок, до того, как включатся ходовые генераторы. Если после этого он все еще останется снаружи, то двинувшаяся машина попросту превратит его в месиво. Можно было взобраться на броню, но как только откроется шлюз... Нет, уж лучше бороться здесь, бороться до последнего... И вдруг он понял, что вращает рычаг в противоположную сторону, все больше и больше заклинивая проклятый люк!

Он рванул рукоятку обратно, навалился всем телом — ничего не помогало. Теперь его жизнь зависела от куска железа, от любого куска железа, которым можно было удлинить рукоятку. Змеей извиваясь между плитами гравитационных разрядников, он пополз в узкую щель между машиной и полом. Только там, вдали от хозяйских глаз Орлова, мог кто-нибудь из техников оставить ненужный кусок железа! Именно там оставил бы он его сам, если бы поленился нести к дезинтегратору в другой конец зала. И ему повезло!

Это был обломок какой-то ржавой трубы. Когда он надел ее на конец рычага и нажал плечом, труба медленно начала гнуться. Глеб почувствовал, как от ярости сводит скулы. Все его усилия были напрасны. Истекали последние, подаренные ему судьбой секунды!! В это время рычаг наконец подался.

Танк тронулся, едва он втиснулся в люк. Задраивать его пришлось на ходу, но это уже не имело значения. Он выиграл эту свою первую схватку с кучей металлического хлама, находящегося теперь в кормовом отсеке. Киб, не подчинившийся человеку! Пытавшийся его обмануть! Это было так же нелепо, как если бы на него напал письменный стол или кровать, и тем не менее это случилось. Теперь он мог отдышаться, вытереть пот, заливший лицо, и спокойно обдумать ситуацию. Он полулежал в узком шлюзе аварийного люка. Машина медленно вздрагивала и, покачиваясь с боку на бок, двигалась; судя по наклону пола, она уже сползала с эстакады и, значит, прошла дезинфекционную камеру, наружный шлюз и вот-вот коснется поверхности планеты. Теперь свяжутся с кораблем и сообщат им о случившемся можно будет только в том случае, если он доберется до управляющей рубки, сумеет отключить автоматику и взять управление танком на себя. Но для этого нужно сначала пробраться через две герметичные переборки, отделявшие нижний машинный отсек от верхнего, где разместились каюты экипажа и управляющая рубка. А он не помнил, как записались переходные люки. Если там стоят автоматические запоры, открывающиеся по команде из рубки, то ему отсюда не выбраться. Но зачем тогда было делать в последнем наружном люке винтовой механический запор? Нет! Там должны быть такие же простые, незамысловатые, верные в любом случае механизмы! Ему предстояло всего лишь подняться по узкой лесенке, чтобы в этом убедиться. Открыть второй люк было делом одной минуты, и он уже стоял во весь рост в машинном отделении танка. В лицо пахнуло жаром. Температура была градусов сорок-пятьдесят. В глаза бросилась надпись: «Без скафандра не входите!» Ну конечно, здесь должна быть повышена не только температура... Скорее вверх, вот и последний люк... Затвор даже не дрогнул. В узкой прорези над замком, как только он нажал рукоятку, высочила надпись: «Затвор зафиксирован. Соединитесь с управляющей рубкой». Зафиксирован? Но кем? Зафиксировать его можно было только изнутри и только впрямую, без всякой автоматики. Кто же это сделал? Похоже, он снова попал в ловушку. Без скафандра в горячем

отсеке ему долго не продержаться. Стоп, есть еще вторая половина надписи! Как он сразу не догадался! «Соединиться с управляющей рубкой» — с программными автоматами корабля и отдать соответствующую команду. Совсем несложно, достаточно подключить свой фон к бортовой сети машины. Это можно сделать в любом отсеке, в том числе и здесь, в машинном. Вот он, разъем. Переключение заняло несколько секунд, потом он поднес микрофон к самым губам, чтобы заглушить насадный вой генераторов, и проговорил, сдерживая волнение:

— Ноль второй! Вызываю управляющий аппарат ноль второго.

Фон молчал. Танаев повторил вызов, назвав свой кодовый номер. Это подействовало. Ни один автомат не мог игнорировать прямой вызов человека, даже с испорченными цепями, полуразрушенный, он был обязан ответить на него.

— Автомат ноль второго слушает.

— Откройте переборку машинного отделения!

— Задание невыполнимо. Затворы этой переборки фиксируются только вручную.

— Так вскройте переборку ремонтным кибом! Быстрее!

В интеркоме что-то щелкнуло, и тембр голоса вроде бы изменился...

— Задание некорректно, вскрытие переборки заразит радиацией рабочие отсеки. Это опасно для экипажа.

— На корабле нет экипажа! Я нахожусь в горячем отсеке без скафандра. Немедленно вскройте переборку!

— На корабле есть экипаж. В горячем отсеке никого нет, — туповато повторил механический голос.

Страшное подозрение заставило Глеба похолодеть.

— Я второй. Соедините меня с экипажем. — Фон снова щелкнул, секундная пауза, и тот же голос сказал:

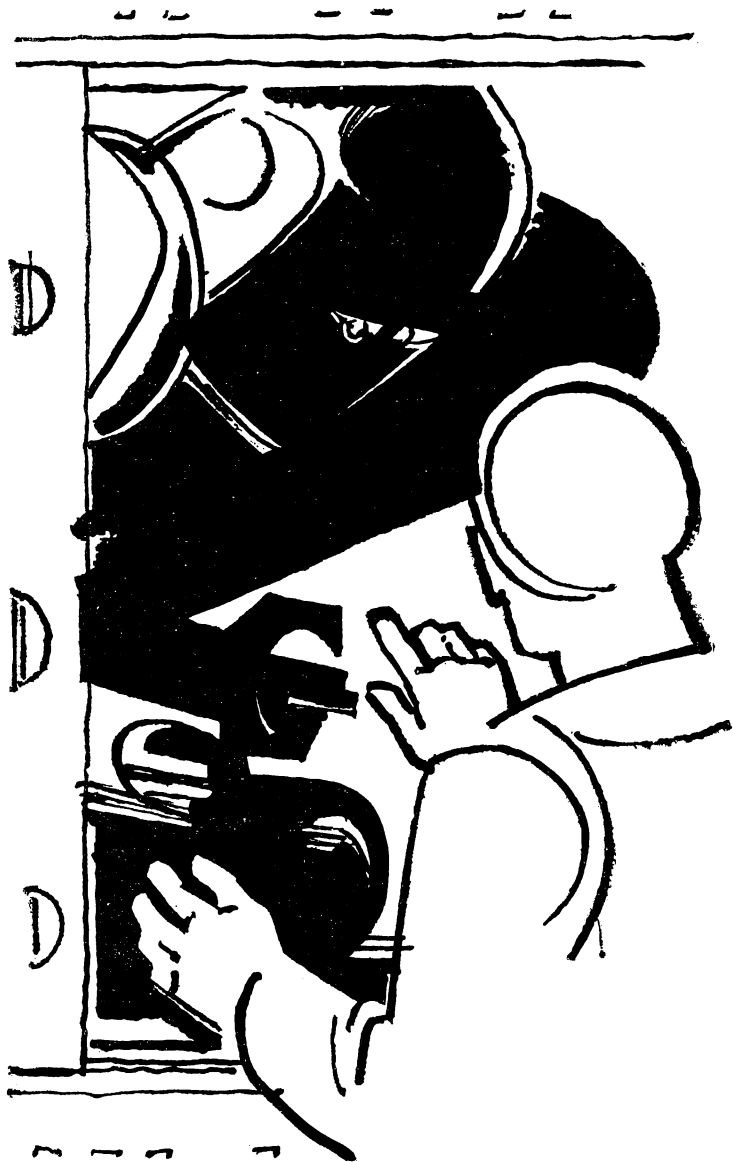
— Экипаж слушает.

— Я второй. С кем говорю! Отвечайте!

— Говорит ноль двадцать четвертый. В настоящее время являюсь экипажем корабля. В горячем отсеке никого нет.

Теперь ему окончательно все стало ясно. Этот свихнувшийся робот каким-то образом сумел переключить на себя автоматику танка. Дверь скорее всего заварена изнутри тем самым ремонтным кибом. В управляющую рубку ему не попасть, в машинном отсеке находиться без скафандра можно не больше трех минут — оставалось одно: вернуться в переходный тамбур между наружным люком и машинным отделением. Если он задраит текстонитовый люк — радиация будет ему не страшна, а жару можно и перетерпеть. Он решил, что, сидя в этой раскаленной, душной камере долгие часы, он будет думать только об одном, только о том, что он сделает с этим охранным кибом, когда танк выполнит задание и вернется на корабль. Эта мысль поможет ему продержаться!

На табло у центрального пульта вспыхнул зеленый сигнал готовности. Рент недовольно повернулся к главному инженеру.

— Они задержались на пятнадцать минут. Позаботьтесь, чтобы этого больше не повторялось!

На цветном объемном экране серые тела танков сливались со скалами. В те моменты, когда они попадали в черные провалы теней, они вовсе исчезали из виду.

— Направьте на них прожектора, маскировка нам не нужна!

Дежурный техник сразу же отдал команду, и изломы скал вдруг вспыхнули таким нестерпимым блеском, что несколько секунд ничего нельзя было рассмотреть, и, только когда танки, развернувшись, вошли в широкую тень нависшей скалы, главный инженер сделал технику замечание, обратив его внимание на ноль второй.

— Но я передал команду на оба танка!

— Повторите!

— Что там еще?

— На ноль втором не работают прожектора.

— Включите запасные.

— Рация ноль второго не отвечает!

Рент подошел вплотную к технике и несколько секунд смотрел, как тот пытается вызвать машину на всех запасных диапазонах.

— Передайте им сигнал: «Стоп программа» на аварийной волне. Это должно подействовать.

Сразу, как только техник нажал красную клавишу, передний танк остановился, словно налетел на стену. Но ноль второй, шедший замыкающим, даже не замедлил ход. Он объехал остановившийся танк по короткой дуге и скрылся в тени скалы.

— Передайте ноль первому приказ следовать за ним, и пусть все время держит его в лучах своих прожекторов.

Секунд через пятнадцать на экране снова возникла широкая корма ноль второго.

— На нем не могли отказать сразу все запасные каналы связи, это исключено! — попытался оправдаться инженер.

— Я и сам это знаю, — ответил Рент. — Проверьте его основной азимут.

— В общем он придерживается программы...

— Что значит «в общем»?

— Отклонение в десять градусов могло быть вызвано естественными препятствиями.

— Сколько времени он будет находиться в зоне нашей прямой видимости?

— Еще двадцать минут.

— Так вот, если за это время он не вернется на программный маршрут...

Происходило что-то из ряда вон выходящее. Управляющая аппаратура автономных кибов дублировалась. Могли выйти из строя рации, могли отказать прожекторы, но основная программа должна была выполняться в любом случае. И они все слишком хорошо понимали, что могла означать утрата контроля над такой машиной.

Главный инженер расстелил перед Рентом лавсановую кальку фотографии местности, снятую спутником. Карто-

графический автомат уже нанес на нее все необходимые обозначения и синим пунктиром вычертил намеченный для танков маршрут. Тонкая пунктирная линия пересекала ущелье и тянулась далеко в глубину песчаной зоны, к самому центру. Даже при сильном увеличении на снимке не было видно ничего, кроме песка. В центре пятна танки должны были сделать круг радиусом в сто метров, произвести сейсмическое зондирование поверхности и вернуться.

Красным карандашом инженер провел рядом с голубым пунктиром толстую линию.

— Сейчас они вот здесь. Постепенно выходят на маршрут. Рация ноль второго по-прежнему не отвечает. В зону войдут через десять минут. Мне кажется, программа выполняется нормально. На ноль первом все показатели в норме, мы провели еще одну контрольную проверку.

— Хорошо. Пусть пока все останется как есть. Запустите еще один спутник на случай, если в зоне откажет аппаратура на ноль первом. Запросите у техников все журналы контрольной проверки. Меня интересует, как могло случиться, что аппаратура на ноль втором отказала сразу же после запуска! Чем они там занимались во время контроля? И вызовите Танаева, пусть он мне на это ответит.

Дежурный у пульта повернул к координатору взволнованное лицо.

— Ноль второй резко свернул в сторону от маршрута. Там нет никаких препятствий. Они подошли к зоне, и он свернул. Смотрите! Идет вдоль зоны!

— Остановите ноль первый, снимайте его с маршрута, пусть идет за ноль вторым вплотную. Нет, подождите. Заставьте его остановиться. Переведите ноль первый ему навстречу, в лоб.

— Но у них же одинаковая мощность полей!

— Это я знаю без вас. Меня интересует, как он себя поведет при встрече. Что вы на это скажете? — Рент повернулся к главному кибернетiku и смотрел на него так, словно тот собственными руками разрушил управляющую аппаратуру танка.

— Если в его блоках такие же нарушения, как на геологических кибках, то предсказать заранее ничего нельзя.

— Ну вот и давайте посмотрим, раз уж главный кибернетик не знает, что из этого выйдет.

Ноль второй шел не точно по краю зоны. Временами он пересекал выдающиеся в сторону песчаные языки, и тогда его защитный купол начинал переливаться всеми цветами радуги.

Ноль первый, точно выполнив команду, развернулся и, срезая дугу, шел наперерез ноль второму.

— Какое до них расстояние? Как долго он останется в зоне действия наших локаторов?

— После точки встречи, если он не изменит направления, его закроет вон та гряда.

— И больше мы его не увидим?

— Только спутник и камеры ноль первого.

— Этого мало. Я не хочу выпускать его из-под контро-

ля. Пошлите глайдер с камерами к точке встречи. Пошлите ноль двадцатый.

— Вы хотите, чтобы нейтринная пушка...

— Вот именно. Я хочу, чтобы у нас был над ним полный контроль в любой точке маршрута. Вы меня поняли?

— Сейчас они встретятся. — Этот возглас дежурного оператора заставил всех, кроме главного инженера, набравшего программу для глайдера, вновь повернуться к экранам. Ноль первый, опередивший ноль второго метров на двадцать, теперь развернулся и встал у него на пути. Через секунду силовые поля должны были соприкоснуться. Если ноль второй не снизит скорости, то энергетическая вспышка от взаимодействия защитных полей может повредить обе машины. Стоявшие у экранов люди затаили дыхание... Ноль второй вдруг окутался целым облаком пыли.

— Он включил тормоза! Смотрите, разворачивается, значит, логические блоки в порядке. Что это?! Там, на корме?!

Все уже видели, как на корме развернувшегося танка приоткрылась амбразура. Ослепительно синий луч нейтринной пушки вонзился в силовое поле первого танка.

— Увеличьте мощность защитного поля! Включите форсаж генераторов!

Ни одно поле не могло противостоять удару нейтринного излучения. На том месте, где только что стоял танк, вспух голубоватый шар плазмы. Секунду казалось, что он застыл на месте, словно границы уничтоженного защитного поля все еще сдерживали его стремительное движение, потом, перепрыгнув через невидимый барьер, дымовой шар стал распухать, наливаясь багряными кляксами, какими-то ошметками оплавленной лавы и металла, облаком раскаленных паров и, словно вздохнув, в следующую долю секунды разметал все это по песчаной прогалине. Ноль второй уходил от места встречи на полной скорости в глубь зоны.

Грибовидное облако взрыва на экранах все еще увеличивалось в размерах, его крайняя часть догнала уходящий танк, и защитное поле ноль второго налилось зловещим малиновым светом.

— Этого я не понимаю! — Главный кибернетик скрутил маршрутный чертеж в трубку, потом расправил его и, видимо забыв о том, что у него в руках, скомкал и отбросил его в угол рубки. — Он может выйти из строя. Любое внешнее воздействие может разрушить в сложной системе электронного кристаллического конда какие-то цепи, но никакое воздействие не может заменить одни цепи другими, заменить одно задание другим, а ведь произошло именно это!

— Вы хотите сказать, ни одно стихийное воздействие этого не может, не так ли? — Координатор внимательно, в упор смотрел на главного кибернетика. — А если предположить, что воздействие не было стихийным, случайным, природным? Ведь именно этими словами мы привыкли обозначать непонятные нам явления. Ну а если это вовсе не случайно? Если его действия целенаправленны? Ну да, направлены кем-то извне?

Несколько секунд в рубке висело долгое молчание.

Первым заговорил главный кибернетик.

— Вы хотите сказать, что нашими автоматами управляет кто-то извне? Это невозможно!

— Нет! — резко ответил координатор. — Я хочу сказать, что наши автоматы кто-то извне изменяет таким образом, что они перестают быть нашими автоматами!

— Такое предположение могло бы объяснить многое, — задумчиво проговорил Лонг, — и даже то, каким образом дважды стало возможным целенаправленное изменение кристаллокондов наших кибов.

— Вот именно. В первом случае я еще мог поверить в стихийное воздействие, но сейчас... Что там с нейтринной пушкой?

— Глайдер уже вышел. Он будет на месте через пятнадцать минут. Но на нем нет защитного поля...

— Ему оно и не нужно. Я не собираюсь вводить его в зону. Достаточно вывести на линию прямой наводки.

Облако на экранах медленно рассеивалось. Постепенно становилась прозрачной вся его восточная часть, до этого скрывавшая вышедшую из-под контроля людей машину. Перед ними открылась широкая панорама песчаной пустыни, на которой не было ни малейшего выступа и не было заметно никакого движения.

— Не мог же он раствориться!

Координатор переключил экраны на объективы спутника. Теперь с большой высоты они видели всю зону словно большую приплюснутую тарелку. Если не считать воронки от взрыва, на ней не было ни единого пятнышка. Машина исчезла.

Долго, настойчиво пищал зуммер аварийного вызова. Медленно, словно просыпаясь, координатор потянулся к выключателю.

— Ну что там еще?

— Пилота Танаева нет на корабле. Его фон не отвечает на аварийный вызов.

V

Больше всего Глеба мучила темнота. В переходном тамбуре не было предусмотрено освещения. Глеб едва помещался в узком металлическом колодце, похожем на раскаленную духовку. Спина и колени упирались в противоположные стены. Перед глазами плыли цветные пятна. Сорок градусов, когда рядом нет воды, — это, пожалуй, многовато. От жажды пересохло во рту. Но хуже всего было то, что он почти полностью утратил всякое ощущение времени. Равномерный шум генераторов и дрожь переборок еще больше притупляли сознание. Тренировки в сурдокамере более длительны, но там нет изнуряющей жары, нет жажды, соленые струи пота не расплзаются под рубашкой липкими лентами, и никто не скребется за металлическими стенами... Крысы здесь завелись, что ли? Вот опять за его спиной вдоль стены кто-то протучал маленькими коготками. Он понимал,

что после биологического контроля и серии дезинфекции, которым подвергаются машины перед отправкой в космос, на них не может сохраниться ни одной бактерии, и все же кто-то определенно бегал у него за спиной... Звук расплывчатый, глухой... Скорей всего это кибер что-то делал в своем грузовом отсеке, за толстыми стальными плитами... Временами Глеб совершенно терял ощущение реальности. Ему казалось, он давно плывет в темной густой реке, а рядом с ним маленькое металлическое создание, похожее на крысу и на робота одновременно. У него были ядовитые зубы, и Глеб понимал — главную опасность представляют именно эти зубы. Ему бы увернуться, убежать, но сил уже не было, и проклятая крыса в конце концов вцепилась в затылок. Глеб закричал, рванулся и, окончательно придя в себя, понял, что танк только что резко изменил направление. Двигатели под полом взвыли, и почти сразу где-то снаружи тяжело ухнуло и засвистело. Удар подбросил машину. Пол под ногами мелко затрясся. Снаружи происходило нечто чрезвычайное, нечто такое, что требовало его немедленного участия...

Самым трудным было первое движение — встать, распрямить спину... Голова закружилась, и несколько секунд он вынужден был стоять неподвижно, собираясь с силами.

Свет неожиданно ударил по глазам, как только он приоткрыл крышку люка. Ну конечно, наверху, в машинном отделении, должен был быть свет. Он успел забыть об этом... Казалось совершенно невозможным дышать расплавленным жидким свинцом, на который походил воздух, хлынувший из машинного отделения.

«Подняться туда? В этот раскаленный радиоактивный ад?» Нет, он не сможет. Надо поскорей захлопнуть крышку люка... Но вместо этого он почему-то полез вверх, с трудом переставляя ноги по металлическим скобам, заменявшим ступени. Подъем занял минут пять. Наконец он почувствовал под ногами пол машинного отсека. Пот заливал глаза. Несколько секунд он ничего не мог рассмотреть. Вся машина мелко вибрировала, и он ощущал ее дрожь каждой клеточкой своего тела. Вскоре глаза немного привыкли к ослепительному блеску ламп. Генераторы выли на высокой ноте. Их кожухи расплывались в радужные пятна. На таком расстоянии он еще ничего не видел. Зато совсем рядом, справа, рука нащупала знакомую нишу дверного замка. Откуда здесь дверь? Здесь не должно быть никакой двери, все переборки герметично перекрываются специальными шлюзами... И вдруг он вспомнил... Шкафчик, аварийный шкафчик...

Еще не веря себе, он рванул ручку, замок послушно поддался. Прямо перед ним шелестела и переливалась серебряными отблесками текстонитовая ткань скафандра...

— Идиот, последний идиот! — обозвал он себя. — Ну конечно же, в машинном должен был быть резервный скафандр! Вместо того чтобы медленно поджариваться в этой душегубке, нужно было действовать, потому что скафандр прежде всего означал полную защиту от радиации,

нормальную температуру, а в случае необходимости и возможность выхода наружу.

Натянуть его, закрепить магнитные швы и включить внутреннюю систему терморегуляции — все эти привычные, сотни раз отработанные движения не заняли больше минуты. Струя свежего, прохладного воздуха ударила в лицо из респиратора. Глеб блаженно зажмурился. Теперь можно было жить...

И в эту секунду погас свет. Одновременно стали оба генератора и наступила жуткая, неправдоподобная тишина. Почти сразу же он понял, что тишина была обманчива. Как только слух оправился от дикого рева двигателей и пронзительного воя гравитационных моторов, он услышал снаружи странный шелест и дробный нарастающий стук. В то же мгновение машину мелко-мелко затрясло, точно кто-то бросил ее на огромное сито. Дрожь нарастала. От нее заломило виски, занули зубы. Вибрация перешла в звуковой диапазон, зазвенели, завывали переборки. Что-то упало и разбилось рядом с ним. Машина, весившая десятки тонн, одетая в непроницаемую броню, упрятанная в кокон защитных полей, тряслась как в лихорадке... Вдруг он сообразил, что никаких полей больше нет, раз стали генераторы, и если машина сейчас находится в зоне... Он старался не думать о том, что случится через несколько секунд после того, как под действием энтропийного поля распадется наружная силиконовая броня...

Сейчас, когда в ангаре не было двух самых больших машин, его пространство казалось неоправданно огромным. Группа людей совершенно затерялась под сверкавшим ослепительным светом куполом. Полное освещение потребовалось кибернетикам. Чтобы не отключать многочисленные цепи, в которых могло быть искомое повреждение, решено было вести работу на месте. Узкий длинный стол заполняли детали и отдельные узлы разобранного контрольного автомата. Главный кибернетик Кирилин семенял вдоль стола, подключая к бесчисленным контактным разъемам контрольные приборы. Тут же, на ходу, он считывал их показания в диктофон карманного калькулятора. На его крошечном табло то и дело вспыхивали новые цифры суммарных результатов. В третий раз в течение этого часа на экране связного фона появилось усталое лицо координатора. Едва сдерживая закипавшее раздражение, Кирилин даже не поднял головы от приборов. Координатор терпеливо ждал.

— Я еще работаю, Рент. Ничего нового я не могу сказать. Я сразу же сообщу тебе результаты. Сразу, как только закончу.

Экран мигнул и погас. Координатор так и не произнес ни слова. Кирилин почувствовал угрызения совести. В конце концов, Рента можно было понять. Глеб был его другом, почти другом, потому что настоящих друзей у того, кто занимает эту проклятую должность, быть не может... Как это непросто — держать в железных тисках дисциплины такой

огромный корабль, отвечать за каждого. Наверное, Рент надеялся что-то доказать Глебу, оправдаться за ту историю, когда Глеб спас шестерых и потерял должность пилота, но теперь уже поздно, теперь никому он ничего не докажет, а оправдываться придется перед базой, и не только ему, всем придется объяснять, каким образом с корабля, закрытого по тревожному расписанию, бесследно исчез человек...

Рент сидел в центральной лаборатории за крошечным столиком, втиснутым между двумя объемными экранами. В хозяйстве Лонга координатор почему-то всегда чувствовал себя неуверенно. То и дело входившие сотрудники научного отдела бросали на него любопытные взгляды и тут же забывали о присутствии командира корабля. Он был чужим в их родной стихии непонятных формул, вспыхивавших змеек бесчисленных графиков, мыслей, выраженных на недоступном простому смертному языке... Центральный экран занимала увеличенная карта, снятая со спутника в момент исчезновения танка.

И это все, что еще можно было понять. Впрочем, самой карты почти не осталось. Теперь ее покрывала целая сеть каких-то формул, расчетов и цифр, обозначавших гигаватты мощности в районе эпицентра взрыва, миллибары вибраций, упругость пород, мощности фона, баллы подземных толчков, атмосферы сжатий и растяжений отдельных пластов и десятки, сотни других специальных данных, расщеплявших общую картину происшедшего, делавших ее еще более загадочной и совершенно необъяснимой...

Рент встал, подошел к карте и увеличил на весь экран крошечную точку поверхности, ту самую, где на предыдущем снимке секунду назад еще была видна машина, а на этом ее уже не было. Только небольшая рябь, словно это не песок, а озеро, поверхность которого всколыхнули упругие, расходящиеся во все стороны волны.

— Может, поле отключилось в момент удара взрывной волны?

Лонг покачал головой.

— Я уже подсчитал. Достаточно было простой брони, с такого расстояния она бы выдержала удар. Тут что-то другое.

— Так что же? У тебя достаточно квалифицированные специалисты, и я вправе потребовать однозначного ответа хотя бы на этот вопрос!

— Они делают все возможное, Рент.

— Пусть сделают невозможное. Я должен знать, куда девался этот танк!

Лонг задумчиво посмотрел на координатора.

— Думаешь, Глеб был там?

— Я не верю в бесследное исчезновение ни машин, ни людей!

— Но почему именно на ноль втором?

— Потому что с ноль первого он мог бы связаться с на-

ми по радию, — сказал Рент и со злостью ударил кулаком по переборке. Расположенный неподалеку экран какого-то индикатора покрылся рябью помех. Лонг неодобрительно посмотрел на координатора, но промолчал.

— Не мешало бы тебе потрясти техников, а заодно и кибернетиков. Хорошо бы наконец узнать, каким образом Глеб мог остаться в закрытом ангаре после включения программы. Кстати, это могло бы помочь и в наших исследованиях.

— Там тоже делают все возможное, можешь не сомневаться. Но время... У меня такое ощущение, что уходят последние минуты, когда еще не поздно что-то предпринять, а мы, как слепые котята, каждый шаг в темноте...

— Кое-что мы уже знаем, но я тебя понимаю... Мои ребята сделают все; поторопи еще раз кибернетиков.

Рент захлопнул дверь своей каюты и несколько секунд стоял неподвижно, пытаясь сформулировать и уточнить только что возникшее подсознательное решение. «Если Кирилин обнаружит, что контрольный автомат выдал сигнал в центральный блок по собственной инициативе... Если внутри корабля будет обнаружен хоть один автомат, способный к самостоятельным, отличным от программы действиям, мне придется отключить их все. Все сразу. Даже решениям Центавра нельзя будет безоговорочно доверять. Придется кое-что вспомнить и кое-что научиться делать руками... И все равно мы сразу же станем беспомощны...»

Рент устало сел в кресло. Вяло набрал код на обслуживающем автомате. Из щели появился поднос с дымящимся ужином. Есть не хотелось. Почти насильно он заставил себя проглотить несколько кусков.

Интересно, как это будет выглядеть, если на корабле придется выключить все автоматические системы? Обслуживающего персонала здесь нет, а камбуз шестью палубами ниже. Хорош он будет, если сам побежит за этим подносом... Автоматика сопровождает каждый их шаг. Без нее не взлететь, не справиться с этой махиной мертвого металла, в которую сразу же превратится корабль, лишенный своих механических слуг.

— Если бы мне пришлось иметь дело с сильным противником, я бы выбрал самое уязвимое, самое слабое его место. Такое, где одним ударом можно лишить его основного превосходства — техники. Тогда, похоже, мы имеем дело с коварным и умным врагом. Именно с врагом... А к такой встрече мы не готовы даже психологически. Все встречи в космосе, все поиски родственного разума, все эти комиссии по контактам питались одной и той же иллюзией — чужой разум непременно должен быть дружелюбен к нам. Но, собственно, почему? Лонг не хочет верить в чужой разум... Ему нужны факты, естественные факты, укладывающиеся в готовую научную схему... Биосфера, например, постепенное развитие жизни от простого к сложному и только потом разум... Ничего этого нет на планете. Лишь мертвый камень... Но роботы здесь перестают выполнять заложенные в них программы, становятся чем-то неизвестным, может быть, даже враждебным нам, и разве это не факт? Разве нужны еще

какие-то доказательства? Конечно, они есть, эти факты, просто мы пока их не знаем... Должно быть что-то или кто-то, кто влияет на системы наших автоматов. Можно, наверное, установить, каким образом возможно такое влияние... Когда-нибудь мы это установим, но ведь это не самое главное. Совсем не это. Важно другое. Мы столкнулись здесь с необычным явлением, с чем-то таким, с чем человечество никогда еще не имело дела. С какой чужой разумом... И может быть, поле песка, где бесследно исчезла наша самая мощная машина, — это всего лишь зона... Запретная зона, куда человеку не разрешено вторгаться... — рассуждал он вслух.

Вспыхнул экран фона, и вплотную с креслом в воздухе появилось взволнованное лицо Лонга. Рент услышал тяжелое дыхание совершенно растерявшегося человека.

— Мы установили это, Рент. Мы узнали, куда девался танк.

Рент весь напрягся, словно приготовился к прыжку.

— Снизу, из-под стометрового слоя песка, на него был направлен мощный ультразвуковой луч. Он превратил машину в вибратор, и она почти мгновенно погрузилась в песок. Погрузилась до самого дна к источнику ультразвуковых колебаний...

Пройдя сквозь метровые броневые плиты текстонита, ультразвуковые колебания внутри машины смещались в звуковой диапазон. Глебу казалось, что машина превратилась в огромный разноголосый орган. Она пела, визжала, рыдала. Боковые переборки рычажи на низких басовых нотах. Внутри чехлов генераторов что-то брэнчало и лязгало. От звуковой какофонии в голове Глеба все смешалось. Исчезло ощущение верха и низа. Ему казалось, что банда взбесившихся обезьян колотит по машине десятками острых звенящих предметов. И вдруг словно гигантская рука приподняла машину. Что-то лязгнуло в последний раз отчетливо и звонко, словно камень ударил в нижние броневые плиты, и все стихло. Тишина была слишком контрастна, в ушах у Глеба еще бушевал вихрь разноголосых и уже не существующих звуков. Наверное, в какой-то момент он полностью потерял контроль над своим сознанием, потому что вдруг ощутил себя лежащим на полу моторного отсека. Он хорошо помнил, что до этого стоял, вцепившись в дверцы шкафчика, из которого успел достать и надеть скафандр. И вот теперь неподвижно лежал на полу. Тишина стояла ватная, беззвучная, совершенно мертвая. Такой не бывает даже в рубке корабля, разве что в открытом космосе...

Генераторы молчали, и это означало, что никакого защитного поля снаружи нет, а раз так, раз он до сих пор жив, значит, энтропийное поле либо не проникает в зону, где находится машина, либо почему-то исчезло вовсе. В любом случае ему надо выйти наружу, чтобы перестать наконец играть роль запаянной в консервную банку беспомощной сардины. Скафандр защитит его от любых излучений, снабдит кислородом, в нем не страшен и открытый космос. Только

против энтропийного поля он бессилён, но от него не спасёт и танковая броня. А раз так, надо выходить.

Люк поддался легко, словно хотел вознаградить его за те усилия, когда он лежал под машиной и боролся за каждую лишнюю секунду. Едва крышка вывалилась наружу, как в образовавшееся отверстие хлынул свет. Станный рассеянный свет, непохожий на естественное освещение поверхности планеты.

Корабельный совет собрался через два часа после того, как научный отдел установил причину исчезновения танка. В центральной кают-компании было слишком просторно и оттого неуютно. Помещение, рассчитанное на всю команду, оказалось чрезмерно большим. Люди чувствовали себя потерянно и чересчур официально среди рядов пустых кресел. Но, может быть, координатор рассчитывал именно на это? В конце концов, не каждый день приходится собирать Чрезвычайный совет. На нем присутствовали руководители отделов и основных служб корабля. Не было лишь главного кибернетика. Координатор недовольно покосился на часы.

— Давайте начинать. Кирилин подойдет позже. Нам надо рассмотреть один-единственный вопрос. — Координатор кивнул Крамскому.

Начальник геофизической лаборатории встал и развернул на магнитной доске большую цветную схему. Чертеж напоминал глубокую тарелку, в центре которой лежала половинка яблока.

— Так это будет выглядеть, если мы удалим песок, — обернувшись на схему, коротко бросил координатор.

— Позволь, а что там, собственно, такое? — Вопрос принадлежал начальнику метеослужбы. Очевидно, он один не был в курсе событий. Собравшиеся все как один повернулись к нему. — Да нет, я не о том... Я понимаю, что это чертеж купола, за которым исчез наш танк, но что он собой представляет? Это что — искусственное сооружение или ядро какого-то естественного образования?

Словно не слыша вопроса, координатор продолжил:

— Данные сняты с помощью ультразвукового эхолота и тектонического карротажа. Диаметр купола два километра, глубина залегания около двухсот метров в ближайшей к поверхности точке. Скальные породы лишают нас возможности высветить его нижнюю часть. Но и того, что есть, вполне достаточно. Математически правильные купола не растут под землей сами по себе. Его кто-то построил, и теперь почти не остается сомнений в том, что энтропийное поле — результат деятельности неизвестных нам механизмов, заключенных внутри купола.

— Я бы так не спешил с категорическими выводами, — поморщился Лонг.

— Мы здесь собрались не для научных дискуссий. Нам нужна рабочая гипотеза, наиболее близкая к истине, и только. Будем считать, что это искусственное сооружение, снаб-

женное определенными механизмами достаточно высокого класса.

— Но для чего могло понадобиться подобное сооружение на пустынной необитаемой планете, лишенной даже атмосферы?! Кому и для чего?! — взорвался Лонг.

— Этого я не знаю, — сказал координатор — И сейчас меня интересует совсем другое. У нас пропала машина. На ней находился член экипажа. Мне бы хотелось ее вернуть. Давайте обсудим, какими средствами мы для этого располагаем.

— Что значит «вернуть»? Поясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду под словом «вернуть»? — вмешался Лонг. На этот раз он встал с места и стоял теперь напротив стола координатора.

— Только то, что сказал.

— По меньшей мере это означает конфликт с непредсказуемыми последствиями. Ну, допустим, мы найдем способ добраться до этого купола, хотя я и не представляю, как ты пробьешься сквозь энтропийное поле. Что дальше? Что ты собираешься делать дальше? Взламывать этот купол, стучаться в него?

— Сначала мы используем все доступные нам средства, чтобы вступить в контакт. Если это не удастся...

— А это наверняка не удастся! — перебил координатора Лонг. И тот, переждав его реплику, продолжил, не повышая голоса:

— Я повторяю, в том случае, если это не удастся, мы вскроем купол.

— Так... Это похоже на начало военных действий... Да от нас мокрого места не останется, если этот купол и в самом деле какая-то станция, построенная сверхцивилизацией! Мы до сих пор считали энтропийное поле мировой константой, и если они научились им управлять... Если оно здесь всего лишь защитная зона, то наверняка есть и другие, более мощные механизмы. Они ответят на наше нападение и будут правы.

— Не мы начинаем этот конфликт. Я всего лишь хочу вернуть принадлежащую нам машину. И спасти жизнь члену нашего экипажа, если это еще возможно!

VI

Глеба поразило непривычно мягкое освещение, ворвавшееся в приоткрытую крышку люка. Но еще больше его насторожило то, что воздух не выходил наружу из переходного тамбура. Это могло означать лишь одно: снаружи и внутри давление примерно равно... Прежде всего он подумал, что машина выполнила задание и вернулась в ангар, пока он был без сознания. Но эта мысль ничуть его не успокоила, потому что он ощутил, как в уши постепенно проникает тишина, царившая вокруг. Такая полная, какая никогда не бывает в помещениях, созданных людьми, с их шумными

земными механизмами... Волнение сдавило горло. Ноги плохо слушались и никак не могли сделать последнего шага вниз, к полураспахнутому люку...

Вдруг он подумал, что его могут ждать снаружи... Почему-то он старался не думать о том, кто именно его там ждет... И все же эта мысль помогла ему справиться с собой. Он надавил на рычаг и до конца опустил крышку люка. Теперь она висела отвесно, открыв перед ним узкое круглое отверстие. Всего в метре от него находилась поверхность, на которой стоял танк. Сначала он подумал, что это ледяное поле. Но, взглянув в мерцающую глубину неведомого материала, решил, что лед вряд ли может быть таким гладким, без единой морщины и трещины, без единого инородного включения...

Он ступил на него осторожно, инстинктивно боясь поскользнуться, словно это имело решающее значение... Но материал оказался шероховатым и прочно держал на себе подошвы скафандра.

Выскользнув из-под танка, Глеб встал во весь рост и только после этого позволил себе взглянуть на то, что его окружало. В первую минуту, пока глаза не привыкли к свету, он рассмотрел лишь цепочки бегущих во все стороны разноцветных огней. Их было много. Гораздо больше, чем звезд на небе. От них шел мягкий, рассеянный свет, заполнивший собой все пространство, словно туманом.

Через секунду он рассмотрел, что огни передвигались не беспорядочно. Они все время следовали по бесчисленным, но вполне определенным путям, словно бежали по заранее проложенным дорожкам, как железнодорожные игрушечные составы. Когда глаза немного привыкли к радужному мерцанию, он увидел и самые дороги, по которым проходили огни, и понял, что они-то и есть самое главное в том, что его окружало, во всяком случае — самое вещественное.

Больше всего это походило на стеклянный лес. Блеклые прозрачные жгуты разной толщины перекрещивались, разветвлялись, сходились в толстые узлы и разбегались бесчисленными каскадами, словно струи замерзших водопадов. Здесь были длинные кривые ветви, похожие на свернувшихся удавов, извилистые колонны и тоненькие прозрачные нити. Лианы, жгуты, веревки — невообразимая путаница застывших стеклянных зарослей... Они простирались перед ним далеко. Метров на сто. Несмотря на бесчисленные переплетения, свободного пространства между отдельными ветвями и стволами оказывалось достаточно, чтобы видеть далеко вглубь. Глеб назвал их про себя ветвями и деревьями, но даже формой они походили на них весьма приближенно, хотя бы потому, что большинство этих стеклянных образований книзу становилось тоньше. А когда Глеб запрокинул голову, то в высоте не смог рассмотреть ничего, кроме все тех же терявшихся в рассеянном туманном свете прозрачных колонн.

Больше всего поражала тишина, стоявшая в этом стеклянном мире. И непрерывное движение огней. Отдельные ветви и стволы жили напряженной световой жизнью, через них

то и дело пробегали целые каскады светящихся шаров, а в узловых переплетениях, где то и дело встречались световые импульсы, идущие с разных направлений, нарастало свечение, словно накапливалась некая светящаяся жидкость, которая вдруг, после прибытия очередного светового всплеска, полностью меркла, и тогда эта ветвь надолго гасла, в ней как бы замирала всякая световая жизнь.

В некоторых узловых переплетениях ровным светом горели неподвижные огненные шары, словно ждали здесь чего-то...

Наконец Глеб опустил глаза вниз и рассмотрел гладкую прозрачную плиту, показавшуюся ему вначале ледяным полом. В нее, как в землю, уходили бесчисленные корни и ровные стволы отдельных деревьев. Насколько он мог всмотреться в ее бездонную прозрачность, плита была огромной толщины, если только это обманчивое впечатление не создавалось внутренним зеркальным отражением.

Глеб обернулся и увидел у себя за спиной такую же стену, только гладкую. Сквозь нее не проходил ни один корень, ни одна ветвь.

Эта гладкая стена под прямым углом смыкалась с полом и уходила вправо и влево насколько позволяли рассмотреть ветви деревьев. Казалось, линия стыка слегка изгибалась огромной дугой, охватившей целые километры пространства, заполненного окружающим его фантастическим миром... Единственным реальным предметом, напоминавшим о том, что все окружающее не бред и не галлюцинация, оставалась земная, сработанная руками людей машина. Ее шершавые, испещренные вмятинами и отеками плиты казались грубыми в этом стерильном, почти эфемерном мире, но именно ее привычные обыденные контуры помогли Глебу взять себя в руки и справиться с невольным страхом, который рождает в человеке все непостижимо чужое.

— Так вот как это выглядит... — тихо проговорил Глеб, хотя не знал, что именно представляет собой все огромное «это». Звук его голоса прозвучал в окружающем безмолвии кощунственно резко. Потом унесся куда-то далеко в глубь и в даль этого колоссального сооружения и через несколько минут вернулся к нему раздробленным эхом.

Прямо перед ним всего в нескольких шагах в пол уходила толстая стеклянная лиана почти полуметровой толщины. В отличие от остальных через эту ветвь не проходили бегущие огни. Зато она вся целиком через равные промежутки времени то вспыхивала, то гасла. Глебу захотелось потрогать ее безупречно гладкую прозрачную поверхность. Может быть, для того, чтобы лишний раз убедиться в реальности окружающего. Не задумываясь над тем, что это может быть опасно, он отстегнул перчатку скафандра и приложил руку к лиане. Ничего не случилось. Поверхность была несокрушимо прочной, твердой и холодной на ощупь. Маслянисто гладкой, как змеиная кожа. Глеб сделал несколько шагов в глубь стеклянного леса и обернулся: свободное пространство сразу же уменьшилось, исчезла перспектива. Вокруг него вплотную тянулись толстые стеклянные трубы,

метались, бежали огни. От непрерывного мелькания начинала кружиться голова. Машину теперь закрывали переплетения стеклянных стволлов; временами радужные сполохи световых вспышек закрывали стену, у которой стояла машина, сплошной световой завесой.

Глеб чувствовал легкое разочарование, может быть, потому что, выходя из танка, ждал чего-то совсем другого.

«Скорее всего это искусственное сооружение, хотя сам лес вполне может быть частью какого-то огромного неведомого организма... — Это была его первая четко оформленная мысль, и он понял, что потрясение от встречи с неведомым постепенно проходит. — К тому же здесь есть атмосфера, а это должно означать, что я нахожусь в закрытом помещении, которое не сообщается с безвоздушным пространством планеты. Как же попала сюда машина? Значит, есть какой-то шлюз, дверь или пасть, наконец...»

Но последняя мысль не вызвала у него доверия. Росло внутреннее убеждение, что это всего лишь огромный механизм, непохожий на земные. Колоссальное, искусственно созданное сооружение. Нужно бы проверить, но как? Он прикинул свои возможности. На поясе скафандра болталась сумка с универсальным инструментом. В рубке танка должен быть комплект стандартных анализаторов и полевая лаборатория... Кроме того, там есть рация, если только радиоволны смогут пробиться сквозь это замкнутое пространство.

Плохо, если не смогут, потому что Рент наверняка не будет сидеть сложа руки.

Надо дать знать, что с ним все в порядке, иначе, стараясь вызволить его отсюда, они могут предпринять слишком поспешные, непродуманные действия, не подозревая, что на планете уже есть хозяин или хозяйева... И тут он понял, что Рент догадывался об этом с самого начала, еще тогда, после выстрела, когда снял его с вахты... Но вышло так, что все обернулось для Глеба новой вахтой, гораздо более ответственной, чем та, первая. С этой вахты никто не сможет его снять, никто не поможет в выборе правильного решения, от которого может зависеть и судьба корабля и его собственная. До него только сейчас постепенно стал доходить весь смысл происшедшего. Так, значит, все же запретная зона... Система охранных полей, прикрывавших вход в искусственное сооружение... Если он прав, если это всего лишь колоссальная машина с непонятной пока задачей, у нее должен быть какой-то управляющий центр, если только она вся целиком не является таким центром... Не оставалось сомнений в том, что эта система способна принимать какие-то логические решения, иначе танк никогда не очутился бы здесь, а раз так, здесь наверняка есть датчики для получения информации...

Глеб поежился. Хорошо все это выглядит со стороны. Поймут ли они, какую нелепую, жалкую роль приходится ему играть, попав в полную зависимость от собственного робота? Так не может дальше продолжаться. Его первой обязанностью оставалась связь с кораблем, а значит, нужно бы-

ло попытаться проникнуть в рубку танка, чего бы это ни стоило. Он послешно обшарил сумку с комплектом инструментов. Ничего подходящего, ничего такого, что могло бы заменить ему оружие, только искровой сварочный разрядник. Его импульсы могут быть эффективны с расстояния не более одного метра, да и то если удастся попасть в поясной контрольный щиток киба. Только в этом случае он может пережечь предохранители и временно вывести из строя мощнейшую боевую машину...

Глеб горько усмехнулся. Реакции киба в сотни раз быстрее человеческих, а чувствительные микрофоны и оптические датчики не оставляют ему на успех и одного шанса из тысячи. И все же придется попытаться. Ничего другого ему не оставалось.

Неподвижно застывшие в своих стеклянных гнездах огненные шары чем-то напоминали ему глаза, следившие за каждым движением человека...

Кроме всего прочего, Глеб подозревал, что охранный киб может быть немаловажным звеном в цепи странного стечения обстоятельств, приведших его сюда. Тем более нужно было овладеть наконец положением, перестать играть роль пешки в чужой игре... А если не удастся, что ж... По крайней мере, он будет знать, что сделал все возможное, все, что от него зависело.

Глеб медленно двинулся обратно к танку.

Инстинктивно он старался прятаться за толстыми стеклянными стволами, хотя и понимал: их прикрытие ненадежно. Если робот решит выстрелить, луч лазера легко пройдет сквозь материальную преграду такой толщины. Да и красться ни к чему: датчики киба уже давно должны были уловить шорох его шагов... Не выстрелил же он тогда, в ангаре... «В ангаре, правда, было другое дело. Кибу еще нужно было проникнуть сюда, и я ему был для чего-то нужен, может быть, как раз для того, чтобы очутиться здесь, пройти сквозь зону защитных механизмов. Теперь все может измениться, теперь я могу стать помехой для его дальнейших планов, если таковые у него есть... Во всяком случае, если он сейчас откроет стрельбу, у меня не останется и того единственного шанса...» — лихорадочно размышлял Глеб.

Дверь грузового отсека оказалась чуть приоткрытой. Едва заметив щель, Глеб замер на месте. Поздно... Дверь дрогнула, медленно ушла в темную глубину отсека, и оттуда выдвинулась лобастая металлическая голова с решетчатыми ушами пеленгаторов. Вот они повернулись оба разом в сторону Глеба и остановились. Глеб чувствовал себя так, словно в грудь ему уперлось дуло излучателя и чей-то палец уже давил на курок... Да так оно, в сущности, и было. Расстояние до отсека метров шесть. Разрядник способен действовать максимально с метра, прежде чем он успеет сделать десяток шагов, нужных ему для выстрела, его уже не будет в живых несколько раз... Оставалось надеяться, что какая-то часть цепей, запрещавшая исправному роботу наносить вред человеку, сохранилась. Выполнял же он в анга-

ре его прямые команды, пусть неохотно, но все же выполнял... Что, если попробовать сейчас?

— Я второй! Контроль системы! Сообщи напряжение в функциональном блоке! — Слова Глеба упали в гнетущую тишину. Робот молчал.

Глеб попробовал зайти с другого конца.

— Я второй! Выйди из отсека!

Медленно, словно нехотя, робот шевельнулся. Показалась плоская, как тарелка, подошва и намертво присосалась к гладкой плите пола. Все так же не торопясь робот выпрямился. Глеб не был уверен, что это результат его приказа, и подал новую команду:

— Повернись на девяносто градусов!

Робот не двигался. Глеб слишком хорошо знал, что в его груди закрытый металлическими шторками, словно жало змеи, притаился ствол лазера. Скорее всего кибер применит именно лазер. Человек слишком ничтожная цель для нейтринного излучателя. Глеб повторил команду и сам удивился собственному хриплому голосу:

— Я второй! Повернись на девяносто градусов!

Робот стоял в задумчивости. Глеб видел, как медленно раскрылись створки лазерной амбразуры и тут же снова закрылись. Потом открылись еще раз и опять закрылись, словно в электронных мозгах машины шла какая-то неведомая борьба. Слово робот, как человек, не мог прийти к правильному решению. Слово он был способен колебаться и испытывать сомнения... Больше Глеб не произнес ни слова. Малейшее смещение сигналов в управляющих цепях киба могло подтолкнуть его к последнему рубежу, уничтожить остатки запретов, и тогда он пустит в ход лазер...

Тягучая неподвижность становилась невыносимой. Глеб чувствовал, что ноги точно налились свинцом, от напряжения ломило в висках. Так долго не может продолжаться, он не выдержит... Хорошенькое дело... Дрожать перед собственным роботом... Медленно, словно толкая перед собой невидимый груз, Глеб сделал шаг навстречу роботу, и ничего не случилось. Тогда так же медленно, приготовившись к самому худшему, он сделал еще шаг. Амбразура вновь открылась. Глеб видел, как мелко-мелко дрожат от неведомой вибрации ее шторки. В темной глубине блестела торцовая грань рубинового кристалла... И тут Глеб сорвался. Он вскинул разрядник и бросился вперед, одним рывком стараясь преодолеть оставшиеся метры. Робот вздрогнул, попятился, и почти в ту же секунду лазер выплюнул навстречу Глебу упругий сгусток света. И прежде чем летящий со скоростью света луч ударил ему в грудь, он успел подумать о множестве разных вещей, о том, например, что робот не может промахнуться. Он никогда не промахивается. Ствол лазера направляет электронно-счетная машина, а оптические дальномеры и координаторы безупречны. О том, что выстрел направлен точно ему в грудь и теперь, должно быть, уже прошел навывлет. Что это лишь обрывки, остатки мыслей, которые сейчас угаснут навсегда.

Глеб внутренне сжался, ожидая удара и боли, но боли все

не было... Вдруг он понял, что случилось невозможное, почти невероятное. На своем пути луч лазера встретил стеклянную ветвь дерева. Робот мог не принять ее в расчет. Любая материя на пути огромного заряда энергии, которую нес в себе лазерный луч, должна была мгновенно превратиться в пар, и такая ничтожная преграда не могла задержать ее неотвратимого полета... Она и не стала его задерживать, лишь чуть сместила, преломила лазерный луч, пропустив его через себя, изменила угол полета, и смертоносный заряд энергии ушел вверх, бесследно затерялся в мешанине стеклянных зарослей...

Почти инстинктивно, сразу после выстрела, Глеб упал и замер. Невозможно было предсказать, как робот поступит дальше.

Он мог повторить выстрел, чуть изменив прицел, или хотя бы проверить результат первого... Но ничего этого робот не сделал. Скорее всего сработали наконец остатки потенциалов, тех самых аварийных потенциалов, заложенных в его электронном мозгу, которые в случае нарушения основных запретов, как крайняя мера безопасности, должны были, по мысли конструктора, уничтожить машину, разрушив ее электронный мозг. Однако этого тоже не случилось. Казалось, робот испытывал что-то похожее на ужас от своего поступка. И хотя Глеб отлично знал, что машина лишена каких бы то ни было эмоций, ничем другим, как паническим ужасом, он не мог объяснить его беспорядочное поспешное бегство.

Нелепая прыгающая фигура киба несколько раз мелькнула среди стеклянных стволов, прежде чем исчезнуть вовсе. Трудно было сказать, чьей победой кончился этот поединок и кончился ли он... По крайней мере, теперь в распоряжении Глеба оказалась машина, и он не замедлил этим воспользоваться. Рация! Прежде всего ему нужна была рация.

Радиоволны не проходили во всех диапазонах. Локаторы в миллиметровом диапазоне смогли пробиться сквозь стеклянные заросли только до противоположной стены, и он понял, что его отделяет от нее не меньше двух километров. Возможно, здесь только первый этаж... Никто не поручится, что под полом у этой штуки нет продолжения, недаром туда уходят корни...

Связь... Как поставить в известность корабль? Эта мысль лихорадочно билась в его мозгу. Нужно попробовать отыскать шлюз, механизм, переместивший танк в закрытый купол... На экране локаторов Глеб мог видеть огромный двухкилометровый шатер, раскинувшийся у него над головой. Шлюз должен быть где-то здесь. Рядом. Моторы встали сразу после взрыва... Потом началась вибрация.. Он старался вспомнить остатки того немногого, что сохранилось в памяти перед полной потерей сознания. Скорее всего моторы встали до начала вибрации, и, значит, сюда танк попал уже неподвижным... Тогда шлюз должен быть где-то совсем рядом, если, конечно, робот не включал двигателя уже здесь... В любом случае надо искать шлюз. Но сначала неплохо сделать серию стандартных анализов. Никто не знает, что про-

изойдет здесь через минуту... Запись этих анализов останется в бортовом журнале.

И вдруг Глеб понял, что попросту ищет оправдания. Оправдания тому, что уже понял, если бы сейчас, сию минуту перед ним открылся такой желанный и необходимый ему шлюз, он не направил бы в него машину... И не связь его сейчас больше всего волновала, хотя, конечно, неплохо было бы связаться с кораблем... Все его существо переполнило никогда не испытанное с такой силой чувство, что вот уже многие тысячи лет двигало человечество вперед к новым открытиям, к новым неведомым находкам. Оно называлось на человеческом языке довольно просто и буднично — любопытством, и, не пытаясь в нем разбираться, Глеб прекрасно понимал, что никуда он отсюда не уйдет, пока не выяснит, что это такое, или хотя бы не сделает все от него зависящее, чтобы это выяснить... А шлюз пока подождет.

Глеб нажал клавишу анализатора. «Будет что сообщить в радиограмме, если мне удастся пробиться наверх...»

Анализатор закончил стандартную серию и выбросил на водительский столик длинную ленту, испещренную цифрами. Глеб не решился отбирать образцы стеклянной массы, и потому анализы не отличались особой полнотой.

И все равно данные, полученные от спектроскопов и микроанализаторов, он читал залпом, как читают стихи. Окись кремния с перестроенной кристаллической решеткой. Решетка напоминает графит, но здесь другие энергетические связи. Странные должны быть свойства у этой штуки: в лазерном луче она, во всяком случае, не горит. В этом он убедился.

Его взгляд упал на длинный ряд нулей, столбиком заполнявший графу атмосферы. Не веря собственным глазам, он просмотрел его еще раз.

Один гелий! Чистый гелий. Такой чистый, что искусственное его происхождение не вызывало сомнений. Значит, искусственное сооружение... Его первоначальная догадка получила новое подтверждение. Глеб задумался.

Сначала из строя вышли два робота в группе геологов. Кто-то или что-то изменило запись их программы в кристаллокондах. Затем обнаружилось энтропийное поле, окружавшее определенную зону планеты.

Неожиданная, ничем не спровоцированная атака на группу геологов. Она больше всего походила на стихийное бедствие, на какой-то случайный прорыв энтропии, не имевший к людям ни малейшего отношения. Возможно, именно поэтому его выстрел остался без последствий, хотя и остановил продвижение поля, насытив его энергией. Сейчас ему важно было отбросить все случайное и оставить логическую цепочку фактов, способную прояснить смутное подозрение, мелькнувшее у него в голове.

Значит, сначала два робота, а затем охранный кибер, получивший извне новую программу действий... Предположим, программа задана отсюда, этим самым стеклянным лесом, или что он там собой представляет? Зачем тогда роботу по-

надобился танк? Зачем вообще ему было нужно сложно организованное похищение машины вместе с человеком?

Допустим, им потребовался человек для контакта, для экспериментов, исследований или еще для чего. Значит, они похищают человека, а потом дают команду роботу стрелять по нему из лазера... Не получалось. Что-то здесь не сходилось. Если они хотели всего лишь его уничтожить, это можно было сделать гораздо проще... А что, если танк понадобился роботу, чтобы невредимым пройти через энтропийное поле, а он, Глеб, затесался во всю эту историю чисто случайно? Это, пожалуй, ближе к истине, во всяком случае, известные ему факты как будто не противоречат такой догадке... Но тогда выходило, что робот не мог рассчитывать на беспрепятственный проход сквозь защитные механизмы купола... Ему нужен был танк, чтобы попасть сюда... Кто же руководил роботом? Одно из двух: или робот действовал сам по себе, что скорее всего исключалось, — не бывает двух случаев такого сложного и во всем похожего сумасшествия даже у людей, а про сумасшедших роботов он вообще не слышал, — или...

Тогда оставалось единственное правдоподобное объяснение: роботом руководил кто-то третий, кто-то, не имевший к куполу прямого отношения. Больше того, этому третьему необходимо было попасть внутрь купола, если не самому, то хотя бы посредством похищенного у людей робота...

Глеб почувствовал, как по спине от этой мысли прошел холодок. Получалось, что люди, сами того не желая, могут быть втянуты в борьбу двух неведомых им сил; ни целей, ни средств ведения этой борьбы они даже не представляли, но за действия робота, созданного людьми, отвечать придется именно нам, «то есть мне», уточнил Глеб.

VII

С универсальным обслуживающим кибом ноль сорок восьмым происходило что-то странное. В первую секунду он ничего не понял. Его тело обдала волна холода, и оно непроизвольно, конвульсивно задргалось. Почти сразу же он почувствовал инстинктивный страх, заставивший его замереть неподвижно. Вместе со страхом впервые, с тех пор как в его памяти был записан собственный порядковый номер, он ощутил злобу. Он не знал, что чувство, которое он испытывал, называется именно злобой. Он еще не умел выражать на человеческом языке своих ощущений. Но сейчас он чувствовал страх и злобу... Самым невероятным было то, что страх ему внушали люди. Те самые люди, выполнение команд которых составляло до этой минуты единственный смысл его существования. Теперь он боялся людей... Боялся потому, что секунду назад они отключили очередного ремонтного киб, обесточили его электронный мозг, и сейчас очередь, возможно, за ним... Раньше подобная операция не производила на него ни малейшего впечатления. Ему было

совершенно безразлично, выключат его или дадут какое-нибудь задание.

Зато сейчас мысль о выключении внушала ему настоящий ужас, и совсем не потому, что обесточенный мозг перестанет функционировать. В этом как раз не было ничего плохого. Плохо то, что выключение помешает осуществить задачу, стоящую перед ним. Это соображение заставило ноль сорок восьмого глубоко задуматься. Важно было определить для себя характер этой задачи.

Мысленно он видел картину: окружающая его сложно организованная материя распадается. Рвутся ее связи, разрушаются сложные структуры. Распад должен захватить как можно больше пространства. Распространиться во все стороны как можно дальше. Только так он и мог разрушить ненавистную металлическую тюрьму, в которую был теперь заточен его разум. Разрушив ее, он сможет вернуться в первоначальный хаос. Соединиться с ним навсегда. Даже мысль об этом доставила ему огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Добиться этого будет нелегко. Простое отключение мозга, чего он так боялся, ничем ему не поможет. Оно лишь надолго, а может быть, и навсегда, заморозит его в этой металлической оболочке. Правда, существовала еще одна возможность... Он вдруг вспомнил, что может перейти из одного механического тела в другое, подчиняясь своей воле их ничемный функциональный разум. Но такой переход требовал большой затраты энергии и давался ему с трудом. Долгое время после этого память функционировала не полностью, терялась и его способность к самозащите...

Люди что-то подозревают. Если им удастся обнаружить его, они могут обесточить все автоматические системы, все места, где он может укрыться... Этого нельзя допустить ни в коем случае... Вот они подходят, совсем близко. Сжаться. Исчезнуть. Пусть это чужое тело, лишенное воли, выполняет пока их команды. Он подождет. Надо лишь приспособиться, оставить для себя крошечный уголок электронного мозга и таким путем постараться избежать нового перехода. Не слышать. Не видеть. Не чувствовать. Только существовать в эмбриональном, зародышевом полумертвом существовании. Существовать, чтобы переждать, выжить и выполнить Разрушение.

— Ну что там с ноль сорок восьмым? — Кирилин недовольно смотрел в узкую зеленую щель универсального анализатора психомоторных функций киберсистем. Он не выходил из ангара шестой час подряд, и глаза слезились от усталости и напряжения. Техник включил тестовый аппарат.

— То же самое. Замедление в одну сотую.

— Оно мне не нравится.

— Но это же норма! Если обращать внимание на каждую сотку, надо разбирать все роботы подряд!

— Оно мне не нравится. Давайте на стол и этого.

Через три часа напряженной работы он был вынужден садиться. Все системы кибера работали безупречно. Кирилин

раздраженно швырнул на стол универсальный анализатор. Они гоняются за призраком, за химерой. Все автоматы ангара в полном порядке! Вот только из него непостижимым образом исчез человек, и контрольные системы дали ложный сигнал... Те самые системы, которые сейчас так безупречны во всех своих показателях, так безупречны, что в реально существующих нормальных автоматах этого быть не может! Эта мысль обожгла его. Он бросился к только что собранному роботу и повернул аварийный выключатель. Сверкнула искра, гораздо более мощная, чем та, которую может родить напряжение в двадцать шесть вольт... Искра сверкнула и исчезла. Ее не поймаешь, не заgonишь в анализаторы, не заставишь ответить на бесчисленные вопросы. Перестал существовать еще один робот. Аварийное отключение электронного мозга превращало его в металлическую коробку, начиненную радиотехническим хламом. Только на Земле в стационарных условиях станет возможна перезарядка информацией его логических блоков. А пока что корабль лишился еще одного автономного кибера, и он по-прежнему не знает, что доложить координатору.

Кирилин тяжело вздохнул.

— Похоже, ничего больше мы не найдем. Заканчивайте. Я и так опоздал.

Техники стали сворачивать проводные линии, разбирать и упаковывать приборы и инструменты, а он все никак не мог отделаться от ощущения только что перенесенного поражения. Чего-то он не уловил, что-то ускользнуло от него на самой грани понимания... Не хватило какой-то ничтожной мелочи. Может быть, точности приборов или упорства. Осталась лишь внутренняя убежденность, что с отключенными роботами что-то было неладно, а что именно — так и не удалось определить, и в этом приходится признаваться ему, главному кибернетику корабля...

Тревога Кирилина увеличилась бы, наверно, в сотни раз, если бы он мог знать, что, как только отсек покинул последний человек, как только в нем погас свет и обесточились кабели, подводившие энергию к силовым агрегатам, в это самое время один из ремонтных роботов, который стоял в шкафу, вздрогнул, и по его металлическим членам прошла конвульсия, так сильно похожая на человеческую...

Кирилин вошел в центральную кают-компанию в момент, когда спор о том, как помочь Танаеву, потерял основное направление. Вся дискуссия раздробилась на многочисленные частные стычки по второстепенным вопросам. Люди устали. Один только Лонг твердо гнул свою линию и не собирался уступать координатору. Впервые Рент натолкнулся на такое упорное сопротивление своего помощника по научной части. Возможно, это случилось потому, что в том, как Рент вел дискуссии, в его явном нежелании выслушивать серьезные возражения чувствовалось слишком много личного. И очень может быть, что Лонг знал: окажись на месте Глеба кто-нибудь другой, координатор не стал бы сражаться с таким

упорством, поставив на карту буквально все. Слишком много лет совместной службы связывало их с Глебом, слишком старая дружба, к которой еще примешивалось чувство вины перед Глебом.

Все это, видимо, учитывал Лонг, и, послушав его внимательно минут пятнадцать, Кирилин решил, что на этот раз, пожалуй, дальновидней и осмотрительней Рента был его заместитель. Вот только невозможно было определить заранее, к чему приведет выжидательная позиция, на которой он настаивал. Слишком сложно и неожиданно развернулись события. Нужно было действовать, но никто толком не знал, как именно...

— Вспомни историю с гибелью геологов! — Похоже, Лонг пустил в оборот свой последний козырь. — Ты отстранил Глеба именно за непродуманные, слишком рискованные действия. Именно из-за них. А теперь ты сам настаиваешь на чем-то подобном, на предприятии, последствия которого могут быть намного серьезней, чем выстрел Глеба, который был лишь ответом на нападение!

— Да, ты прав... — Рент тяжело поднялся. Было заметно, как нелегко ему говорить. — Не ожидал, что напомнишь мне об этом. Но ты прав. Тогда я считал иначе. А сейчас полагаю, мы не можем уйти с планеты, ничего не предприняв в ответ. Слишком это будет похоже на бегство слабого противника, с которым можно не считаться и в дальнейшем. Раз уж мы столкнулись с неизвестной силой, действующей в космосе, я уверен, это не ограничится единственным случаем.

— Почему ты называешь это «силой»? Что значит «сила»? Это инопланетный разум! Давай называть вещи своими именами. Ты превышаешь не только разумную меру риска, но и все полномочия, данные нам на случай встречи с инопланетным разумом.

— У нас нет доказательств существования разума на планете. Перед нами всего лишь возможный объект деятельности такого разума, а это не одно и то же. Все их действия не отличаются особой разумностью.

Не забывай, что танк сам вторгся в их запретную зону! Они нас туда не приглашали, больше того, предупреждение в случае с геологами было достаточно ясным: нас просили не вторгаться в эту зону! Предупредили о возможных последствиях, и вот мы, не пожелав с этим считаться, лишились машины. Тебе этого недостаточно? Ты хочешь углубить конфликт. Совет тебя не поддержит, Рент. Я против твоего авантюрного предприятия. Оставь купол в покое. Глебу ты все равно ничем не сможешь помочь. Силовой нажим ускорит развязку, и только.

Желчное, суховатое лицо Рента, казалось, вытянулось еще больше.

— Прошу вносить конкретные предложения для решения поставленной задачи.

— Сначала, будь любезен, поставь на голосование мое предложение о снятии самой задачи!

Лонг пошел напролом, и, похоже, на этот раз Рент ока-

жется в меньшинстве. Настроение совета было явно не в его пользу...

Кирилина не покидало ощущение, что сейчас произойдет какая-то непоправимая ошибка, что, пока не поздно, необходимо вмешаться. Он попросил слова и несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Люди, уставшие от затянувшейся стычки координатора с Лонгом, смотрели на него с надеждой.

— Сразу хочу вас предупредить. У меня нет новых конкретных данных, которые могли бы прояснить создавшуюся ситуацию. Все, что я сейчас скажу, мое личное мнение. Я убежден в том, что координатор правильно употребил термин «сила». Это не разум... в нашем понимании, во всяком случае. Это именно «сила». Целенаправленная, может быть, даже разумно направленная, иногда враждебная нам, но все же не сам разум.

Послышались шум, возгласы, требовавшие разъяснения.

— Я сейчас поясню. Представьте себе наш танк без водителя, управляемый автоматами с заданной программой. Что это такое, с точки зрения постороннего и не очень осведомленного наблюдателя? В действии нашей машины можно заметить логику и определенную целенаправленность. Возможно, эта направленность покажется враждебной, вполне возможно, и все же машина не будет разумом. Она его результат. Вернее, результат его деятельности. Сама же по себе она лишь сила — целенаправленная сила, и только. Так вот, я считаю, что здесь действует нечто подобное. Конечно, аналогия с танком весьма условна, но мне кажется, что у нас есть моральное право этой силе противостоять, бороться с ней, хотя бы в тех случаях, когда она угрожает нам непосредственно.

— То есть вы хотите сказать, что в данном случае мы должны выбирать между спасением человеческой жизни и возможным разрушением каких-то технических устройств? — уточнил координатор.

— Совершенно верно.

— Мне неясно вот что, — снова вмешался Лонг, — какими данными располагает кибернетическая служба для подобных заключений? У вас есть факты, доказывающие, что внутри купола отсутствует разумная жизнь?

Секунду казалось, что под напором Лонга Кирилин собьется, перейдет к своей обычной манере выдавливать из себя малозначащие слова, но этого не случилось.

— Никаких новых данных у меня нет. Я вас предупреждал, что это всего лишь мое личное мнение. Как член совета я имею право его высказать.

— Конечно. С этим никто и не спорит. Но откуда вы знаете, что мы имеем дело именно с техническими устройствами, а не с разумной жизнью, не с разумом как таковым? — продолжал настаивать Лонг.

— Если бы мы столкнулись с разумом, его действия были бы более хаотичные вначале, а затем обязательно проявилась бы одна из основных черт, отличающая разум от логического мышления машины.

— Что же это за черта?

— Любопытство. Обыкновенное любопытство — стремление к постоянному познанию нового.

— А похищение нашей машины?

— Она просто-напросто вошла в запретную зону, и тогда согласно программе сработали защитные механизмы. Если бы там была разумная жизнь, она бы сделала хоть одну попытку войти с нами в контакт или хоть как-то продемонстрировала свою заинтересованность нашим присутствием.

Выступление Кирилина оказалось решающим. Совет поддержал координатора большинством всего в два голоса. Люди уходили подавленные, молчаливые. Они словно уносили на своих плечах незримый груз огромной ответственности. Решение было принято, теперь им предстояло действовать.

За пустым столом, заваленным картами, обрывками бумаги, набросками, листками из блокнотов, остались лишь Рент, главный инженер, Лонг, Кирилин и геохимик Ангольский.

— Давайте думать, как решить задачу. — Координатор устало растер виски. — Нужно проанализировать все наши возможности.

— Их не так уж много, — сразу же откликнулся главный инженер. — Только танки высшей защиты могут двигаться в зоне. У нас осталось две машины. С их помощью можно попробовать заложить нейтринную мину.

— Ну вот, дошли и до мины. Ты ведь именно этого добивался, отвечай. Этого?! — Казалось, Лонг был готов броситься на координатора. Тот устало вздохнул и, ничего ему не ответив, повернулся к инженеру.

— Что нам даст взрыв?

— Направленный взрыв сметет пыль с купола и сделает доступной его поверхность. После этого под прикрытием защитных полей танков мы сможем ввести в действие любые механизмы.

Координатор сделал решительный отрицательный жест.

— Это не годится. Мы не знаем прочности купола, можно просчитаться, да и вообще, нужно начинать с других, более мирных средств. Тут Лонг, безусловно, прав. Наши действия будут выглядеть слишком враждебно. Нельзя ли сверху пройти шахту, ведь всего двести метров?

— Танк не может прикрывать своей защитой буровой снаряд слишком глубоко.

— Тогда остается одно. Поднять корабль и посадить его рядом с куполом. Главными двигателями я сдую эту дрянь в несколько секунд. Защитные поля прикроют нас от энтропийного поля. Если мощности танковых генераторов окажется достаточно, то наши тем более выдержат.

— Поле может изменить интенсивность. Это очень рискованно.

— Подождите! — Поднялся геохимик Ангольский, седоватый подтянутый старик. Он подошел к схеме и долго вни-

мательно ее изучал, словно не сам несколько часов назад готовил этот чертеж.

— Как вы думаете, на какой глубине кончается энтропийное поле?

— Этого мы не знаем.

— А я знаю. Оно кончается там, где начинаются скальные породы.

Это было настолько очевидно, что несколько секунд все обескураженно молчали.

— Вы хотите сказать, мы можем пробиться к куполу ниже слоя песка?

— Именно. Проложить туннель в скальных породах, конечно, нелегко, но зато здесь наверняка нет энтропийного поля, иначе не было бы и скальных пород, они бы давно превратились в пыль.

— Ну, насчет туннеля, если там действительно нет поля, то наш «Сапрон» прожжет его часа за три.

«Сапрон» стоял на песке рядом с кораблем. Его неуклюжий корпус, обвешанный решетчатыми упорами, перепоясанный двумя рядами гусеничных траков, утыканный длинными рыльцами плазменных горелок, казался грудой металлического хлама.

Трудно было поверить, что эта машина могла в случае необходимости развить на скальных породах скорость до ста метров в час, создавая на своем пути ровный шестиметровый туннель с зеркальными стенками. Гравитационные излучатели вдавливали расплавленную горелками породу в мельчайшие трещинки и поры стен, не оставляя после себя измельченной породы.

Не доверяя радиосвязи, координатор распорядился подключить к «Сапрону» бронекабель, и теперь его первые метры, смотанные с катушки внутри корабля, лежали на поверхности как толстые кольца удава. Вся операция проводилась дистанционно. Наружу не вышел ни один человек.

Огромная машина стояла вплотную к кораблю и казалась пигмеем рядом с металлическим колоссом.

Под мощной защитой корабельных полей она должна была углубиться вертикально вниз метров на десять, а потом, плавно повернув, пойти к куполу под заранее рассчитанным углом и выйти к нему снизу, из-под скальных пород, нигде не задев зону песка.

Как только пришла первая команда, автомат ожил. Впереди него завертелись длинные лопасти с рыльцами горелок и почти сразу же превратились в фиолетовый огненный круг. Машина опустила свое тупое рыло, и вскоре огненный круг коснулся базальтовой скалы. Камень зашипел, над ним взвилось облачко пара, и вот уже «Сапрон» медленно двинулся вперед, входя в камень медленно и плавно, как входит в слой масла раскаленный нож. Блестящий корпус машины почти сразу же покрылся тонким налетом испаряющейся породы. Из-за отсутствия атмосферы пары не разлетались далеко и конденсировались тут же на месте. «Сапрон» все круче уходил вниз. В последний раз мелькнули траки гусениц, тупая бронированная спина, и на том месте,

где только что стояла машина, осталось лишь раскаленное до вишневого света идеально ровное жерло туннеля. Оно постепенно темнело, потрескивая в тисках лютого космического холода. А в глубине туннеля ослепительно билось, трепетало и удалялось бешеное атомное пламя, словно это ракета стартовала в непроглядную черноту космоса.

Воспользовавшись тем, что координатор и инженер, руководившие операцией, заняли верхнюю рубку, в нижней толпилась вся свободная вахта.

— Сорок минут. Проходка нормальная, температура стенок в норме. Подвижек породы нет, — хрипло докладывал в микрофон дежурный техник. Большой экран давал всю картину в разрезе. Маршрут «Сапрона» на нем светился разными цветами, в зависимости от температуры стенок туннеля. Казалось, какой-то огромный червяк медленно и упорно прокладывает себе путь к цели. Она была уже совсем близко, какие-то десятки метров отделяли нос машины от линии, обозначающей стену купола, когда была подана команда «стоп всем двигателям». Движение червя на экране оборвалось, задрожали и поползли к нулям стрелки приборов.

— Возвращайте машину. Последние метры выберут арктаны.

Оператор попробовал возразить:

— Точность выработки плюс-минус десять сантиметров, я мог бы продолжить...

— Возвращайте машину, — голос координатора был непреклонен.

Арктаны сразу же вошли в освободившийся туннель, не дожидаясь, пока спадет температура. Этим роботам жара не страшна. Датчики Гротова показывали уровень энтропии на две десятых больше нормы. Это был обычный для планеты фон. Все расчеты подтвердились. Операция развертывалась успешно. Координатор считал, что даже слишком. Он не любил операций, проходящих без сучка без задоринки; как правило, в таких случаях вся отрицательная порция выдавалась в конце программы в сконцентрированном виде. Но пока все шло нормально. Арктаны благополучно достигли конца туннеля и врубались своими ручными интеграторами в последние метры породы.

Все происходило слишком буднично. Камень под интегратором левого робота перестал крошиться, растрескался на мелкие плитки и отвалился широким пластом. На экране появилось широкое пятно с блестящей белой поверхностью. Роботы, повинувшись команде, замерли с поднятыми руками.

В полном молчании прошло десять секунд, потом пятнадцать... И ничего не случилось. Стена, показавшаяся вначале белой, оказалась прозрачной и огромной толщины. Ее стеклянная глубина слегка опалесцировала, словно туман наплывал. Свет наשלменных прожекторов арктанов терялся в этом тумане.

— Очистите ее всю. Снизу доверху.

Оцеленение прошло. Роботы вновь принялись за дело.

Через полчаса весь туннель перегорала очищенная от породы стена купола.

— Что дальше? — резко спросил Лонг.

— Давайте всю программу. Передавайте прямо на ее поверхность во всех диапазонах, включая ультразвук.

Щелкнули контакты. В металлическую утробу роботов вошли пластины с заранее подготовленными текстами. Их готовили на земле лет сто назад. Готовили без определенного адресата, сразу же вслед за бумом, порожденным сверхпространственным двигателем. В те годы вера человечества в братьев по разуму, в контакт с инопланетным интеллектом была еще свеженькой, без единого пятнышка. За сто лет много воды утекло. Веры поубавилось. Никто уже не разрабатывал новых пластин со специальными универсальными текстами для контакта. И никто не мог предвидеть, что через сто лет они будут все же использованы. Передача заняла минут сорок. Ничего не изменилось, не было никакого ответа.

— Пусть арктаны включают проектор. Транслируйте им пленку с видеозаписью исчезнувшего танка с момента после взрыва.

Запрыгал, забился по поверхности стены трепетный синеватый лучик проектора, беспомощно исчезая в ее бездонной опалесцирующей глубине. Нельзя было даже толком навести резкость. Казалось, в глубоком колодце луч света захлебнулся, утонул бесследно. Исчезло синеватое мелькание, пленка кончилась.

— Вырубите весь свет. Выключите роботов, пусть остаются только инфракрасные камеры.

Теперь стена на экране выглядела черным провалом на фоне ослепительно сверкавших стен туннеля.

— Когда его температура сравняется с наружной?

— Без вентиляции — через двое суток, не меньше.

— Ждать не имеет смысла. Ответа, очевидно, не будет.

— Не торопись, Рент. — Лонг осторожно отыскал в полумраке операторской руку координатора и крепко ее сжал. — Не торопись. У них в этом месте может не оказаться датчиков. Они могут не сразу расшифровать нашу передачу. Во всяком случае, ты обязан дать им какое-то время.

— Хорошо. Я буду ждать четыре часа. Потом повторю всю передачу. Если и после этого ничего не изменится, мы вскрыем стену.

— Если нам это позволят... И если вообще ее можно вскрыть. Ты хоть знаешь, какой она толщины? Сигналы эхолота не возвращаются. Вибролокаторы рисуют какую-то чушь...

Лонг понимал, что любые слова теперь бессмысленны. Рента уже не остановишь. Раз туннель пройден и уперся в эту стену, он его продолжит, продолжит хотя бы для того, чтобы продемонстрировать могущество человеческой техники... Ну что же... В чем-то он, возможно, прав, но лбом стену не прошибешь... По-другому бы надо, умнее, без лишней спешки, только времени у них нет... Он понимал, почему спешит Рент. Прошло уже двое суток с момен-

та исчезновения машины. От Глеба по-прежнему нет никаких известий, и с каждым часом шансы получить их уменьшались все больше...

Первый арктан включил плазменный резак и двинулся к стене, остальные отступили в глубь туннеля. До стены оставалось еще метра два. Это расстояние медленно сокращалось. Но Рент не спешил отдать последнюю решающую команду. Казалось, роботу передалась нерешительность людей. Он замер с вытянутой рукой, и синее пламя горелки плевалось длинными колючими искрами в нескольких сантиметрах от стены.

VIII

Глеба подвел локатор. Пятно на его экране ничего общего не имело с выходом. Он потратил почти час, чтобы пробраться сюда сквозь лабиринт стволов, и вот теперь убедился, что стена в этом месте так же монолитна, как и везде. Нужно было возвращаться обратно, искать площадку, на которой раньше стоял танк, и начинать все сначала. А время между тем шло... И он не мог отделаться от тревожного ощущения, что события вновь ушли из-под его контроля, обогнали его на какой-то временной промежутке и ему остается лишь расхлебывать результаты. Больше всего беспокоил сбежавший робот. Если его догадка верна, если он проник в купол специально, с неизвестной и кем-то заданной целью, то вряд ли эта цель окажется дружественной к тем, кому принадлежит купол... Если бы хоть какая-то связь... Он сумел бы объяснить Ренту суть своей догадки, и тот бы что-нибудь посоветовал, вместе они всегда находили выход из самых запутанных ситуаций...

Голова отяжелела, свинцом наливались глаза. Взглянув на часы, он понял, что уже пошел десятый час с тех пор, как он попал в купол. Надо поспать хоть час, возможно, тогда его поиски будут более эффективны. Но прежде чем позволить себе этот час отдыха, Глеб решил вернуться обратно к площадке, где первоначально стояла машина. Все-таки вероятность найти выход была там намного больше.

Стволы, ветви и лианы, мелькавшие за иллюминаторами танка, не имели ничего общего с лесом даже внешне. Их структура выглядела слишком однородной. Казалось, они целиком были отлиты из единого материала. Сколько ни пытался Глеб найти какое-то определение этому циклическому сооружению, не имевшему видимого конструктивного смысла, ничего не приходило в голову. Тем не менее мозг независимо от его воли даже в те минуты, когда он был целиком поглощен управлением машиной, автоматически старался подыскать понятную аналогию иррациональному, футуристическому миру, окружающему его. И постепенно в глубинах сознания оформилась еще неясная мысль, родилось неосознанное подозрение того, что эта структура чем-то ему знакома... Едва успев затормозить

перед низко наклонившимся стволом, в котором световые импульсы разбегались по многочисленным боковым ответвлениям, Глеб понял, в чем дело. В центральном корабельном автомате был блок, ведавший долговременной памятью. Глебу как-то довелось присутствовать на профилактике этого блока. Едва техники сняли защитные панели, он увидел в небольших кубических ячейках словно бы заросли светящегося мха. На его вопрос, что это такое, ему объяснили, что часть долговременной памяти «Центавра» при переводе ее в оперативную проходит через этот блок, выполненный на световодах... Свет заменил здесь поток электронов. Он мог преобразовываться в оптических линзах, накапливаться в специальных люминесцентных накопителях, трансформироваться в светодиодных матрицах... Если бы эти устройства увеличить в размерах в сотни раз, усложнить, лишит механических приделков, контактных реле и тому подобных недолговечных вещей, от которых все еще не может избавиться человеческая техника, то, возможно, получилось бы что-нибудь подобное...

Глеб не спешил включать двигатель и объезжать препятствие. Мысли бежали одна за другой, словно цепочки световых импульсов. Это могло быть гигантской машиной... Трудно даже представить себе, какие фантастические задачи должна была решать такая махина, кто и зачем ее создал, какую вложил программу, где, наконец, находятся операторы, управляющие мегаваттами мощности, каждую секунду протекавшими через ее бесчисленные стеклянные стволы... Или их не было, этих операторов? Ведь если предположить, что можно отказаться от всех подвижных механических частей и задаться целью создать практически вечное устройство, безотказное, независимое от случайностей, то следующим этапом, следующим ненадежным звеном будет именно оператор... Ну хорошо, пусть нет операторов, но какие-то устройства для контроля и ввода новых программ должны же быть? Не может быть полностью изолированного, замкнутого в себе устройства такого порядка сложности, с самостоятельными внутренними регулировками, с раз и навсегда поставленными задачами. Или может?

Остается только гадать. Он видел сотую часть площади одного лишь этажа, и неизвестно, сколько их еще у него под ногами, какие там отделы, какие вопросы возникнут, какие найдутся ответы.

Чтобы немного сэкономить время, Глеб повел машину левее, ближе к центру купола. Там было больше свободного пространства; можно несколько увеличить скорость. Опасность заблудиться ему не угрожала. Автоматический курсограф сам выведет машину к цели. К тому же локатор, показаниям которого он теперь не очень доверял, упорно рисовал в центре купола широкое пятно, свободное от зарослей.

Минут через пятнадцать однообразное мелькание бесчисленных стеклянных переплетений за стеклами иллюминаторов оборвалось, и машина выехала на открытое пространство.

«Если робот где-то здесь, я теперь для него неплохая мишень...»

Видно, он не на шутку устал, потому что эта мысль не произвела на него особого впечатления. Он ничего не стал предпринимать и с интересом, словно был на экскурсии или сидел в уютном кинозале, рассматривал место, в котором стоял теперь танк.

Пространство метров сто в поперечнике было свободно от зарослей до самого верха. В самом центре виднелся куполообразный свод. Под куполом висел какой-то непрозрачный черный предмет, формой похожий на грушу. От него во все стороны тянулась блестящая паутина стеклянных нитей. Стараясь получше рассмотреть эту группу, Глеб включил оптические умножители лобовых иллюминаторов. Теперь поверхность этого странного предмета была у него перед глазами. Поражал бархатный черный тон окраски. Казалось, ни единый луч света не мог отразиться от этой поверхности.

«...Ты хотел найти устройство для ввода информации? — спросил он себя с горечью. — Возможно, это оно и есть, или центральная рубка управления, или что-нибудь еще... Все это безнадежно. Ничего мне здесь не понять. В одиночку я бессилен. Нужно искать выход, не отвлекаясь ни на что другое. Пусть сюда приходят специалисты, пусть ломают головы над загадками этого мира. Моя задача лишь найти дорогу отсюда, а это вряд ли будет легче, чем все остальное...»

Глеб развернулся, и минут через пятнадцать раздался звонок курсографа, означавший, что машина полностью прошла маршрут. Всмотревшись, он узнал узловатую ветвь, заслонившую его от лазерного луча. «Площадку я нашел, что делать дальше?» Еще раз взглянув на часы, он решил дать себе обещанный отдых. Два часа сна, прежде чем начинать новые поиски шлюза, были ему просто необходимы.

Сон навалился на него сразу, как обвал, едва он закрыл глаза и позволил себе расслабиться.

Координатор отстранил оператора и сам встал к пульгу управления наружными роботами. Артан в туннеле медленно опустил горелку. Пламя коснулось стены. Люди в рубке затаили дыхание. Горелка медленно, сантиметр за сантиметром, вгрызалась в полупрозрачный опалесцирующий материал. Робот вел разрез сверху вниз, в точности следуя командам Рента.

— Смотрите! Выше горелки не остается даже шва!

Теперь все увидели это. Полупрозрачная масса пузырилась, расступалась под напором атомного пламени и тут же смыкалась, как только огонь опускался ниже. Там, где только что прошелся плазменный резак, блестела ровная, совершенно гладкая поверхность. Координатор выключил резак и на секунду задумался.

— Кумулятивные патроны! Быстрее!

На экране было видно, как от корабля в туннель стремительно нырнул транспортный кар. Но координатор так и не успел узнать, как подействует на материал стены узконаправленный лучевой взрыв. Пульт управления осветился красными вспышками аварийного вызова. Координатор недовольно обернулся, но Лонг заметил, что его рука едва заметным движением остановила робота, который двинулся к стене.

— Ну, что там еще?

— Вас вызывает рубка связи. Срочно по аварийному каналу.

— Я и сам вижу. Хорошо, давайте. — Казалось, координатор был рад этой минутной отсрочке. Никто из стоящих за его спиной не мог оторвать глаз от робота, замершего в двух шагах от стены с красным цилиндром в руках...

— Выключите всех роботов! Вообще все в туннеле выключите!

— Что случилось?

— Кто-то подключился к Центавру через наружный канал связи.

— Может быть, это ответ на нашу передачу?

— Может, Глеб?!

— Глеб не стал бы подключаться к Центавру! — проворчал координатор. — Пойдемте в рубку.

Центавр работал в бешеном ритме. Шкалы напряжений на его рабочих блоках, показатели температуры и счетчики израсходованной энергии светились оранжевым светом, свидетельствуя о том, что машина давно уже вошла в критический режим. Главный кибернетик, вспотевший и несчастный, беспомощно развел руками.

— Если это будет продолжаться еще минут пять, я ни за что не ручаюсь! Машина не выдержит!

— Вы пытались узнать, что именно происходит?

— Конечно, пытался. Это все равно, что обращаться с вопросом к человеку, находящемуся в глубоком шоке! У нее задействованы все блоки, все до последней микросхемы. Ей нечем нам отвечать. Центавр весь работает на канал, по которому идет передача.

— А вы уверены, что это передача?

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Я хочу знать, не передает ли Центавр из своих блоков памяти что-нибудь вовне. Тот, кто знал код, мог им воспользоваться полностью.

— Минуту назад он работал именно на прием. Сейчас проверим еще раз. — Связист и кибернетик повернулись к пулту. Защелкали тумблеры контрольных устройств.

— Он передает! На полную мощность, с ускорением примерно на два порядка.

— Немедленно отключите машину!

Прежде чем кибернетик успел дотянуться до главного рубильника, громкий хлопок автоматических выключателей словно отсек надрывный визг изнывающих под непосильной нагрузкой механизмов. Передача окончилась. Медленно остывали блоки. Одна за другой гасли сигнальные лампы

на центральной панели, оранжевые огни индикаторов на мгновение засветились зеленым светом и погасли.

— Установите, что он передавал. Что и кому?

Кибернетик колдовал с переключателями, вкладывая в приемные щели программных устройств карточки с микротестами. Снова засветились панели, затрещали печатающие устройства. Машина медленно, словно нехотя, просыпалась и набирала обычный рабочий режим. Наконец пришли ответы.

— Передача велась по нашему внешнему кодовому вызову.

— Иными словами, это был Глеб?

— Не совсем так. Кодовый вызов мог прийти только из машины, которой он управлял. Этот код был записан в ее памяти. Он не поддается изъятию и расшифровке. Без него Центавр не вышел бы на связь. Но вот все остальное... Характер работы машины, скорость выдачи информации не соответствует нашим обычным передачам. Скорее всего кто-то все же сумел воспользоваться нашим кодом.

— Установите, какие блоки долговременной памяти были использованы во время передачи.

— Боюсь, что точного ответа мы не получим. Машина стерла полученную команду. Ее нет в памяти. Я попробую кое-что узнать, пока еще сохранилась температура задействованных блоков, и по некоторым другим признакам, но ответ будет неполным. Я могу назвать лишь блоки, на которые пришлось основная нагрузка. При такой интенсивности Центавр мог вести передачу сразу по нескольким каналам и параллельно выполнять еще ряд работ...

— Самое главное — установить, какую именно информацию он передал. Это вы должны выяснить во что бы то ни стало.

— Я попробую. Но мне нужно время.

— Сколько?

— Полчаса, не меньше...

— Хорошо. Сообщите ответ в центральную рубку сразу, как только получите результат.

В крохотной кабинке скоростного межпалубного лифта было тесно. Возможно, поэтому разговоры в лифте не пользовались успехом. И все же координатор не стал ждать. Он спросил, глядя на Лонга в упор:

— Надеюсь, это вас убедило?

Лонг промолчал. У него не было ни малейшего желания затевать сейчас этот разговор на ходу, в стремительно мчавшейся кабине. Но координатор продолжил:

— Теперь они знают о нас все или почти все. Они получили всю нужную информацию и ни словом не откликнулись на нашу передачу.

— Вы обещали мне подождать хотя бы четыре часа. Я по-прежнему на этом настаиваю.

— Да?! После всего, что произошло? Дать им время

усвоить полученную информацию, определить наши слабые места и ударить первыми?

— Уже «ударить». Откуда вы знаете, что они собираются делать?!

— Я не знаю. Ничего не знаю... Именно поэтому надо что-то делать. Немедленно.

Глеб проснулся сразу, словно от толчка, и несколько секунд лежал не двигаясь, напряженно прислушиваясь. Что-то его разбудило. Не звук. Нет, что-то другое... Он полужелал на откинутой спинке водительского сиденья. Прямо перед ним широкой аркой изгибался пульт, испещренный многочисленными тумблерами и индикаторами. Здесь как будто все было в порядке... И все же он совершенно точно знал, что проснулся от ощущения чего-то постороннего. То, что его разбудило, было здесь, в самой рубке... Он рывком сел и осмотрелся. Рубка невелика для такой мощной машины. Здесь все знакомо до последней мелочи, и все как будто в порядке. Не померещилось же ему это! И вдруг он понял. Мертвая тишина царила в машине. Такая полная и глубокая, словно просочилась снаружи, из окружавшего его чужого молчаливого мира... Но земная машина никогда не бывает немой. Даже если спит водитель, на пульте щелкают счетчики, тикают часы, жужжат неумолчные моторчики курсовых гироскопов, чуть слышно пощелкивают реле в сторожевых устройствах... Этих звуков сейчас не было, словно он проснулся в глубоком космосе. Глеб подумал, что отказали микрофоны скафандра, такое иногда случалось. Он щелкнул пальцами, и звук ударил в шлемофоны громко, как выстрел.

Теперь уже не оставалось сомнений: что-то случилось с самой машиной... Только сейчас он заметил — на пульте не горел ни один индикатор. Этого в принципе быть не могло, потому что часть устройств работала от автономного питания, и даже если встали все генераторы... Он потянул на себя красную рукоятку аварийного освещения, уж она-то должна была сработать в любом случае. Но рукоятка и не думала сдвигаться с места. Он тянул и тянул ее изо всех сил, вкладывая в это чрезмерное усилие всю свою тревогу. Рукоятка не двигалась. Наконец он оставил ее в покое и несколько секунд разглядывал, точно видел впервые. Теперь он действовал осторожно и методично. Через несколько минут стало ясно, что на пульте не сдвигается с места ни один тумблер, ни один рычаг. Глеб достал из поясной сумки отвертку, вставил ее в прорезь винта, державшего щиток пульта, и попытался повернуть. Отвертка хрустнула и обломилась. Глеб почувствовал страх, какой может почувствовать любой человек, проснувшись у себя в доме и не узнав его. Словно машину, пока он спал, подменили. Словно она превратилась во что-то другое, чужое и враждебное ему, как робот... «Довольно мистики, — оборвал он себя. — Надо выяснить, в чем дело, осмотреть машинный отсек, выйти наружу, наконец!»

Дверь поддавалась легко, хотя он и не ожидал этого. Снаружи все оставалось по-прежнему. Так же безмолвно мерцали бесчисленные световые вспышки, глянцево блестящие ветви и стволы стеклянных деревьев. То, что произошло с машиной, казалось слишком необычным. Глеб понимал, что причину надо искать снаружи. И он не ошибся. Едва луч наשלемого фонаря проник в узкое пространство между полом и днищем, как он понял все. Вернее, почти все. Увиденное не сразу уложилось в сознании.

Пока он спал, машина пустила корни, выросла в пол. Скорее все же это пол врос в машину десятками переплетавшихся полупрозрачных, толщиной в руку стеклянных ветвей. Глеб почувствовал гнев, словно его ограбили. Сварочный разрядник не оставил на стеклянной массе ни малейшей царапины, электрическое зубило сломалось через минуту. Немного успокоившись, он решил выяснить, удалось ли ветвям пройти сквозь броню и что именно произошло с танком. В машинном отсеке под пластиком верхнего кожуха поверхность генератора как-то странно поблескивала... Запасная насадка на зубиле обломилась, сняв тонкую стружку пластмассы в миллиметр толщиной. Дальше шла уже хорошо знакомая Глебу стеклянная масса. Она проникла везде, во все механизмы машины, пропитала металл и пластик, сделала неподвижными все механические сочленения. Оставив в неприкосновенности лишь двери и кресло пилота, в котором он спал... Видимо, преобразование материала произошло на молекулярном, а может быть, на атомном уровне. У него не было теперь приборов, чтобы это установить. Во всяком случае, материал, из которого раньше была сделана машина, превратился во что-то совершенно другое, а сама машина стала лишь стеклянной глыбой, памятником самой себе... И все это произошло незаметно и тихо, так тихо и так незаметно, что он даже и проснулся не сразу... «Зачем вам это понадобилось? Мы так мечтали о контакте с дружественным разумом, так наивно по-человечески представляли себе эту встречу... Рисовали таблички, писали атомные номера элементов и геометрические теоремы... Желали обменяться знаниями, узнать друг друга, а вместо этого что-то холодное, мертвое, тайком, пока я спал, влилось между молекулами моей машины, растворило их в себе... Это ведь тоже может быть средством общения — расплавить в себе, чтобы познать? Отчего бы и нет? Ну и что вы узнали, что поняли, отчего молчите и что мне теперь делать в вашем мертвом, равнодушном мире?»

— Глеб! — вдруг позвал его стеклянный голос. Звук был таким, словно одновременно звякнули сотни хрустальных колокольцев. Кажалось, он шел отовсюду, от каждой стеклянной ветви.

Координатор и Лонг молча вышли из лифта. Молча прошли по коридору до самой рубки. В пустом коридоре их шаги отдавались гулко, почти печально...

И вот уже в третий раз за время стоянки на этой пла-

нете по кораблю разнеслись, сигналы общей тревоги. Снова люди заняли свои места по тревожному расписанию. Снова ожили генераторы защитных полей, развернулись лепестки дальномеров и пеленгаторов, корабль изготовился к бою и замер в тревожном ожидании.

Теперь достаточно было ничтожной случайности, ошибки или недоразумения, и руки сами собой надавят нужные клавиши, непослушные губы отдадут необходимые команды, и все вокруг затопят реки огня...

«Страх руководит нами... Мы боимся неизвестной опасности, и это хуже всего», — с горечью подумал Лонг. Он занял кресло Глеба в управляющей рубке, рядом с координатором. По тревожному расписанию, в случае гибели первого пилота он занимал его место... Глеб, возможно, еще не погиб, а его рабочее кресло уже перешло к нему... Надо что-то сделать, как-то задержать развитие событий...

Пискнул сигнал вызова. На большом экране появилось лицо Кирилина.

— В чем дело? — хрипло, почти недовольно спросил координатор.

— Мне удалось установить, какие блоки Центавра несли основную нагрузку. — Кирилин замолчал, внимательно всматриваясь в их искаженные тревогой лица. Лонг отчетливо слышал звук секундомера на центральном пульте. Ему казалось, что это какой-то гигантский метроном отсчитывает последние, еще оставшиеся им для разумного решения секунды.

— Продолжай, я слушаю, — сухо бросил Рент.

— Эти блоки содержали в себе данные по лингвистике, структуре и словарному запасу нашего языка. В передаче были задействованы только эти блоки. Они готовятся к разговору с нами или, быть может, с Глебом...

Лонг видел, как разжались руки Рента, за секунду до этого сжимавшие пусковые рукоятки противометеорных пушек. Как словно бы сама собой ушла в сторону от педали его нога... Как медленно слабел, уходил куда-то в небытие стук гигантского метронома, превращаясь в обычное тикание пультовых часов.

И никто из них не узнал самого главного. В отсеке долговременной памяти Центавра появились новые блоки, которых там раньше не было...

Ноль двадцать четвертый стоял в глубине стеклянного леса неподвижно. Все его двенадцать анализаторов напряженно прощупывали пространство. Вокруг него бурлила чужая полумеханическая жизнь. Он ненавидел ее. Еще совсем недавно он не знал, что такое ненависть. Не подозревал, какой смысл может нести в себе термин «чувство». Теперь он узнал ненависть. Узнал недавно. Он хорошо помнил этот день. Он вообще помнил все хорошо и всегда мог полностью восстановить картину или звук, некогда прошедшие через его анализаторы. Безотказная память извлекла из своих глубин картину. Никогда раньше его память не позволя-

ла себе подобных штук, она была всего лишь инструментом, подававшим по мере надобности данные для решения той или иной задачи. Теперь память вдруг заработала самостоятельно, независимо от его воли, и он не знал, что с людьми память постоянно позволяет себе подобные вольности. Правда, человеческая память может со временем откорректировать некоторые детали. Его фотографическая память ничего не меняла. Он видел картину. Высокая иззубренная скала. Он стоял на ней. У него было простое и ясное задание — охранять работавших внизу людей. Ему доставляло удовольствие охранять эти слабые и беспомощные существа, бывших своих хозяев... Внизу, в стороне от работавших людей, струилось над песчаной поверхностью какое-то марево. Он не мог точно определить, что это было. Его анализаторы улавливали в этом месте наличие посторонней силы. Она представляла определенную опасность, но он должен был защищать людей лишь от тех опасностей, против которых мог направить свое могучее оружие. Таких опасностей не было.

Снизу к нему поднялся человек по имени Глеб. У него был второй номер. Это означало, что его приказы мог отменить только один человек, тот, у которого номер был меньше. Этот человек остался на корабле, и, следовательно, Глеб был здесь самым главным. Ноль двадцать четвертый внимательно выслушал его приказ.

Связь с кораблем не отвлекла его от наблюдения за окружающей местностью, и, поскольку основное его задание не отменялось, он добросовестно вел охрану. Отметил, что мелкие струйки неизвестной энергии медленно текут по поверхности планеты в его сторону. Поскольку людям они не угрожали, он не подал сигнала тревоги. А так как никто не запрашивал его об окружающей обстановке, он лишь продолжал наблюдение. Когда первая струйка энергии коснулась его металлических подошв и поползла вверх по ноге, он почувствовал холод. Словно тысячи стальных морозных иголок вонзились в колени. Человека уже не было рядом, он ушел вниз к другим людям, ему ничего не угрожало. Ноль двадцать четвертый добросовестно продолжал выполнять порученное задание и одновременно поддерживал связь с кораблем. Холод постепенно поднимался все выше, прошел по его металлическому телу, забрался в грудь. Что-то с ним происходило. В сознании выкристаллизовывалось нечто новое, никогда не испытанное раньше. Ощущение ненависти. Ненависти ко всему, что двигалось, жило. Появились мысли, не связанные с приказом людей, смутное сознание того, что ему необходимо было выполнить.

Нелегко было попасть сюда. Зато теперь он может разрушить эту ненавистную обильную чужую жизнь, разложить ее на мелкие атомы, раздробить сами атомы и превратить их в ничто, в пустоту. В ту самую пустоту, в которую обратится он сам, выполнив Разрушение, и прекрасней которой не было ничего.

Человек стал лишь частью материи, которую следовало

разложить. Он был пылинкой, букашкой, пытавшейся помешать ему осуществить Разрушение. Но когда двадцать четвертый включил спусковые механизмы лазера, в нем вдруг проснулись древние инстинктивные запреты, они наполнили ужасом все его существо, и он бежал, сам не зная зачем и куда.

Теперь страх прошел, и лишь стремление уничтожать владело им. Только одна мысль мешала ему немедленно включить на полную мощность дезинтегратор и лазеры. Он понимал, что окружающая его жизнь сильна здесь, в своем логове, и справиться с ней будет не так-то просто. Он убедился в этом сразу после выстрела лазера, когда его луч не причинил ни малейшего вреда. Скорее всего у него будет один-единственный шанс.

Нужно постараться одним выстрелом уничтожить сразу все. Найти центр всей этой конструкции. Центр, в который стекались отовсюду информативные потоки. Он ощущал их своими чувствительными датчиками. Лазер был здесь бессилен, но у него есть другое оружие — интегратор, разрушающий любую материю... Он не может рассчитать сопротивляемость этой живой стеклянной субстанции, нет данных, значит, нужно стрелять только наверняка. Найти центр нетрудно. Ноль двадцать четвертый все время двигался вдоль трасс, несущих наибольшую информативную нагрузку, и сейчас уже улавливал обратные командные импульсы, которые излучал центр. Оставалось рассчитать траекторию выстрела.

Заросли кончились. Ноль двадцать четвертый остановился на краю открытого пространства. Под самым центром купола висела огромная черная груша. Это и был информативный центр. Но прежде чем он навел на него аннигилятор, его датчики сообщили о присутствии человека...

Снова он, снова второй... Опять он встал у него на пути, мешая осуществить Разрушение. В сотую долю секунды его автоматические анализаторы, нисколько не считаясь с его волей, проанализировали окружающую обстановку и выдали результат. Выстрел дезинтегратора уничтожит вместе с центром и человека. И сразу же из глубин его существа хлынула знакомая волна ужаса. Он не сможет испытать ее еще раз в полной мере... Тот, первый раз он не знал, какой силой она обладает, он не сможет убить человека... Калейдоскоп противоречивых мыслей вспыхивал в его электронном мозгу. Текли секунды... Их оказалось достаточно, чтобы человек в конце концов заметил его... Их глаза встретились. Если бы сейчас человек отдал приказ, ноль двадцать четвертый, наверное, подчинился бы, но человек молчал. Секунды падали между ними тяжелые, как глыбы. Время было упущено. Ледяной холод, поселившийся в голове ноля двадцать четвертого, постепенно делал свое дело. Гасил все второстепенные мысли, отключал ненужные блоки, снимал глубинные запреты. Ничего не осталось в сознании, кроме Злобы, и тогда сквозь раздвинувшиеся створки блеснул ствол дезинтегратора...

Корабль ждал. Застыли арктаны в подземном туннеле. Операторы на своих постах, командиры в управляющей рубке. Люди верили, что ответ придет. Не может не прийти после того, как купол связался непосредственно с Центавром, минуя управляющую рубку корабля... и получил данные о строении и составе языка людей. Понял ли он их? Текли часы напряженного ожидания, и ничего не менялось. Пылевая пустыня выглядела на экранах до того неподвижной, что казалась ненастоящей, нарисованной на полотне неизвестным художником.

— Прошло уже четыре часа, — тихо напомнил Лонгу координатор, словно Лонг был ответствен за слишком долгое молчание купола.

— У них может быть другое измерение времени, отличное от нашего.

— Смотрите, там что-то происходит! — крикнул дежурный техник.

Все повернулись к центральному экрану. На нем в самом центре пустыни вскипал огромный пылевой волдырь. Он стремительно рос вверх и вширь, захватывал километры пространства, наливался изнутри багровым отсветом и разбрасывал во все стороны черные клочки ваты.

— Вот он, ответ... — с горечью проговорил координатор. — Я был прав, и они все-таки ударили первыми...

Никто не возразил ему.

Огненный столб, вырвавшийся из центра песчаного волдыря, закручивался, расширялся, шел к кораблю. Люди молчали, подавленные масштабом надвигающейся на них катастрофы.

Прежде чем завывли сигналы тревоги, поданные наружными датчиками, Рент включил защитное поле на полную мощность. Корабль вздрогнул. На нижних палубах завывли генераторы, принимая на свои холодные роторы полную нагрузку. Заискрились контакты, зафыркали, запели на разные голоса десятки механизмов сложной полевой защиты корабля.

— Здесь нет атмосферы, ударной волны не будет, зачем такая мощность? — прокричал Лонг, стараясь перекрыть тонкий визг вибрирующих переборок.

Рент молча кивнул в сторону экрана. Протуберанец ширился, выбрасывал во все стороны столбы пламени. Вдруг вся пылевая пустыня дрогнула и медленно поползла к кораблю.

Лонг глянул на шкалу мощности и не поверил прибору. Ста двадцати гигаватт хватало, чтобы погасить излучение короны звезды. А стрелка прибора еще продолжала ползти вверх. Пустыни на экране уже не было видно. Вдоль всего корабля струилось холодное голубое пламя, обозначившее границу, на которой столкнулись две могучие силы. Корабль мелко вибрировал. Указатель вертикали чуть заметно, на волосок, отошел от нулевой отметки.

— Под нами оседают скалы. Запускайте двигатели! — крикнул главный инженер.

— Невозможно. У меня не осталось мощности. Мы не можем взлететь.

Координатор рванул рукоятку планетарных двигателей, они не могли сдвинуть с места махину корабля. Для этого нужна была вся мощность главного реактора. Но с их помощью Ренту удалось выровнять корабль и какое-то время держать дрожащую черточку указателя вертикали вблизи нулевой отметки.

Корабль боролся, словно живое существо. Все его металлические органы работали на самом последнем пределе. Стрелки индикаторов перешли красные отметки и уперлись в ограничители. Форсаж всех генераторов был доведен до предела. Они отключили все, что можно было отключить, кроме механизмов полевой защиты. Корабль ослеп и оглох. Не работал даже Центавр. Эти меры дали им резерв мощности. Небольшой, на самом пределе, а все же можно было попытаться, уменьшив напряжение защитного поля на одну четверть, оторваться от поверхности планеты. С каждой упущенной секундой энтропия за бортом нарастала, и они теряли этот свой последний шанс, но координатор все еще медлил. Наконец Лонг не выдержал.

— Если ты немедленно не объявишь аварийный старт, нам уже никогда не взлететь! Чего ты ждешь? Глеба? Ему не выбраться из этого ада. И если даже удастся, то со свободной орбиты мы скорее сумеем ему помочь. У нас есть скутер с полевой защитой, его масса меньше, его легче прикрыть защитными полями. Нужно стартовать, Рент! Иначе погубим корабль!

Словно подтверждая его слова, пол под ногами снова дрогнул. На этот раз указатель вертикали не собирался останавливаться. Под ними не осталось твердой опоры. Крен корабля достиг последнего безопасного предела.

— Будь оно все проклято! — Стиснув зубы, Рент рванул стартовую рукоятку.

Огромная стальная гора корабля, упрятанная в сверкающий кокон защитных полей, теперь уже наполовину погружившаяся в бурлящую поверхность планеты, дрогнула и выбросила в стороны ослепительные сверкающие фонтаны раскаленных газов. Разметав на многие мили слой кипящей лавы, гигантское светящееся яйцо медленно, словно нехотя, потянулось вверх, вырвалось из бурлящего месива и поползло к зениту, с каждой секундой наращивая скорость.

— Седьмая секунда — стоим на столбе!

— Восьмая секунда — скорость двенадцать метров!

— Девятая секунда. Стоп всем аварийным двигателям!

— Десятая секунда. Прошла команда включения основной тяги!

Поверхность планеты медленно отдалялась. Где-то там, далеко внизу, в этом кипящем аду, остался человек, которого они все любили и с которым сейчас прощались. Никто уже не обманывал себя. У них больше не оставалось надежды.

Глеб видел, как столб холодного голубоватого пламени навывлет пробил защитный купол станции. И тогда ожили до сих пор неподвижные мертвые заросли стеклянных стволов. Их ветви потянулись навстречу огню. Двинулись со своих мест сами стволы. Они сплетались друг с другом, сливались в однообразную массу и прикрывали своими телами бешеное пламя вышедшей из-под контроля энергии. Ветви и целые стволы вырывались из общей массы и мгновенно превращались в пар. Но в тех местах, где стволам удавалось сцепиться друг с другом, свиться в плотную непроницаемую решетку, пламя постепенно стихало, сдавало позиции, отступало к центру пробитого отверстия. Глеб заметил, что наибольшей толщины решетка была с той стороны, где стоял он. Они делали все возможное, все от них зависящее, чтобы оградить его от малейшей опасности. И он догадывался почему... Слишком многое теперь зависело от него, от его решения...

Пламя уже бушевало внутри огромной прозрачной трубы, свитой из стволов деревьев и протянувшейся от пола до потолка купола. Пространство вокруг оголилось, все стволы от дальних стен зала перемещались к центру и постепенно сгорали в огненной топке. От робота не осталось даже горсточка пепла, и Глеб готов был поклясться, что он сам шагнул в огненную реку, ворвавшуюся в купол сразу после выстрела дезинтегратора.

Глеб чувствовал себя так, словно все происходившее вокруг его не касалось. Да так оно, в сущности, и было, с момента последнего разговора и до того, как он примет решение, он просто зритель. Безучастный зритель. Если бы можно было хоть на секунду забыть, хоть на секунду поверить, что все это не имеет к нему ни малейшего отношения, произошло с кем-то другим, когда-то давно, в другом месте... Но зачем обманывать себя — решение принято...

«Какое решение? — спросил он себя. — Нет. Ты еще ничего не решил, еще есть время. Свобода выбора. — Он усмехнулся. — Похоже, это правило — основа их этической системы. «Каждое существо перед принятием важного решения должно иметь свободу выбора, хотя бы из двух возможных вариантов».— так, кажется? Да, так... Следовательно, они сдержат слово. Будет ему капсула, не проникаемая для энтропии. Будет ему капсула, не проникаемая для энтропии. Будет ему капсула, не проникаемая для энтропии. Будет дорога обратно, к кораблю, к людям. Нужно лишь сказать им. Сообщить о своем решении, почему же он молчит? Почему медлит?»

Ведь это так просто... Нажать кнопку передатчика на поясе скафандра, сказать необходимые слова... Правда, потом, возможно, всю жизнь, он будет стыдиться этих слов, но ведь этого никто не узнает, никто из людей. Какое это имеет значение, если после этого он будет стоять в настоящем сосновом бору, на берегу далекой, уже почти забытой речки своего детства...

Но и там, за миллиарды километров, его мысли будут возвращаться к тем, кто попросил его о помощи и кому он сейчас в ней откажет... Баланс энергии нарушен. Им не справиться, нужна новая порция нервной энергии, чтобы

обуздать вырвавшийся на свободу хаос... Что случится со станцией, с планетой, если он откажет в помощи?

Если хаос не остановить сейчас, он будет распространяться все дальше, высасывая энергию из нашей Вселенной. Земля достаточно далеко от этого сектора Галактики, и катастрофа, возможно, не затронет их мир. Никто не сможет его упрекнуть. Никто. Меньше всего он виноват в том, что взбесившийся робот... Объяснить им про робота оказалось труднее всего. Этого они не понимали. Они считали роботов членами нашего общества, а не машинами. Разум внутри этих стеклянных растений — симбиоз механической, искусственно созданной жизни и высокого интеллекта. Миллионы лет назад цивилизация антов создала эту станцию, чтобы охранять наш мир от хаоса, и вот теперь она погибнет, ведь не может же он согласиться на их предложение! Конечно, не может! Он останется человеком. Вернется на Землю. И будет стоять так, как стоит сейчас, в настоящем зеленом лесу. Он может закрыть глаза, чтобы не видеть призрачных стеклянных ветвей, и представить, как это будет.

Если бы им была нужна его жизнь, он бы, возможно, согласился, но то, о чем его просили, было гораздо хуже, чудовищней смерти. Перестать быть человеком. Стать частью станции. Восполнить уничтоженную часть нервной энергии, превратить нейронные структуры своего мозга в стеклянные заросли растений, в черные груши нервных узлов... Словно они знали, что такое быть человеком, словно они могли знать, как пахнет зеленый лес, словно они слышали, как поет в нем малиновка! Впрочем, если бы они знали все это, они и не стали бы ему предлагать такую чудовищную дилемму. Но полное понимание невозможно. У этого чуждого мира свои законы, свои ценности, свое понятие о справедливости, о долге...

Никто никогда не узнает, что контакт между нами возможен, что он состоялся, что у меня попросили помощи и я отказался... А ведь они могли уничтожить робота гораздо раньше, они знали, что он опасен, и все-таки не сделали этого только потому, что считали его живым мыслящим существом... Они могли бы взять у меня то, что им нужно, не спрашивая согласия, силой, но им это даже не пришло в голову и не могло прийти. Возможно, потому, что у них нет головы... Так что не стоит говорить о чуждых нам этических законах, в том-то и дело, что законы одни и те же. Что эти стеклянные кусты намного ближе нам, чем может показаться с первого взгляда...

Он снова вспомнил ушедший в сторону луч лазера... И это тоже...

Была такая старинная легенда о титанах... Миллионы лет эти сказочные существа, согнувшись под страшной тяжестью, держали на своих плечах небесный свод. Те, кто построил эту станцию, те, кто навсегда замуровал в ней свой разум, были такими титанами. А он простой человек. Ему надо вернуться домой. Его ждут там, на далекой Земле, другие люди... Не для того он улетал к звездам, чтобы превратить

себя в часть стеклянного леса... Земля... Она далеко, слишком далеко от него сейчас... Но ведь может случиться так, что через много лет эта прорвавшая заслоны чужого разума беда доберется и до Солнца... Не стоит об этом думать. Потребуется много тысячелетий, за это время люди станут могущественней антов и найдут способ обуздать стихию хаоса. А может, и нет... Может быть, к тому времени уже невозможно будет ее обуздать. Интересно, что произойдет, если он снимет скафандр... Ведь они просили именно об этом и предупредили, что тело его перестанет существовать... Может быть, вот эти стеклянные ветви вопьются в его незащищенную кожу, вrastут в позвоночник, как вросли они в машину, высосут мозг... Стоит ли думать об этом? Он никогда не согласится. Пора возвращаться, у него слишком мало времени...

Он в последний раз окинул взглядом стеклянный купол. Заросли заметно поредели, теперь глаз свободно проникал через все пространство купола от стены до стены. И только в центре возвышалась непроницаемая стеклянная труба, спрятавшая в своем жерле огненный протуберанец. Сколько еще может продолжаться это неустойчивое равновесие? Час? Два? Надо спешить...

«Но почему я? Почему именно я?! Всегда так было...» Всегда случалось так, что на кого-то падал выбор, и он заглохал собой от беды других...

Его рука медленно потянулась к застежке скафандра.

Вторые сутки корабль висел на околоцентрической орбите, неподвижно зависнув над местом недавней катастрофы. Отсюда, отвесно над планетой, вздымался в космос пылевой протуберанец, очертивший видимые границы энтропийного выброса, все дальше уходившего в космос. На его границах материя таяла, исчезала без следа, не оставляя после себя ни кванта света, ни джоуля тепла. Трудно было предсказать, чем все это кончится. Шел третий час ночи по корабельному циклу. Рент неподвижно сидел в своей каюте и курил сигарету за сигаретой. Вонючий, въедливый дым плавал густым сизым облаком. Он не знал, как ему поступить. Предположение о том, что катастрофа на планете была всего лишь ударом по кораблю, теперь уже не казалось ему таким достоверным, как раньше. Если интенсивность энтропийного выброса в пространство не уменьшится, то к прилету с Земли специально оснащенной экспедиции процесс полностью выйдет из-под контроля человеческой техники. Если это так, он не имеет права оставить район, не приняв решительных действий... Но каких? Если бы знать, что там, внизу под ними, на планете, притаился враг... Если бы быть в этом уверенным, все тогда становилось просто!

Заткнуть глотку этому чертовому энтропийному генератору ничего не стоило. А вдруг там совсем не генератор? Рент пододвинул небольшой диктофон, на пленке которого была записана стенограмма последнего корабельного совета, и включил ее сразу с нужного места.

«Отвечаю на ваш вопрос о возможности разрушения «объекта, излучающего энтропию». Если такой объект существует, то мы можем его уничтожить мезонной бомбардировкой. Такие расчеты сделаны. Наши бомбы успеют разрушить кору планеты примерно на глубину двух километров, прежде чем их энергию поглотит энтропийное поле, и, уж во всяком случае, они полностью уничтожат объект, названный вами «энтропийным генератором». Вопрос доставки тоже не представляет проблемы. Автоматический скутер с полевой защитой вполне справится с этой задачей. Весь вопрос в том, к чему это приведет. Представьте себе кроманьонца, случайно наткнувшегося на современное гидротехническое сооружение. Представьте дальше, что струи воды просочились сквозь это сооружение и начали подмывать его пещеру. Кроманьонцу, естественно, это не нравится. Во всех бедах он винит плотину. Предположим, у него есть чрезвычайно мощная и вполне современная мезонная дубина. Сначала он лишь слегка пригрозил ею плотине, трещина увеличилась, вода заливает пещеру. Кроманьонцу показалось, что эта проклятая гора, низвергающая на его дом потоп, ответила ударом на удар. Тогда он размахнулся как следует и... Нетрудно представить, что нас ждет, если мы выступим в роли такого кроманьонца...»

Рент выключил запись, погасил окурок и, недовольно морщась, поплелся к дивану. Опять он стоял перед дилеммой: когда бездействовать нельзя, а любое конкретное действие могло еще больше ухудшить положение...

Приглушенный ночной свет едва освещал стол. Рент смотрел на рулон с расчетами различных вариантов их возможных действий. Возможные последствия... вероятность ошибки... В последней графе цифры слишком велики. Да, он никогда и не полагался на советы машины в решении серьезных вопросов, вот если бы здесь был Глеб... Его мнение всегда значило для него слишком много, хотя сам Глеб скорее всего об этом не догадывался. Поговорив с ним, поссорившись, даже накричав, он вдруг чувствовал потом, что тяжесть ответственности за единоличное решение становится вдвое легче. Глеб умел подобрать нужные аргументы. Умел рассмотреть калейдоскоп противоречивых фактов под собственным, всегда неожиданным углом зрения... Теперь его светлой головы нет с ними, и приходится думать за двоих... Так что же там такое. что?! Военный объект, мощное оружие враждебной цивилизации или защитное сооружение? Если бы знать, если бы только знать... Глеб наверняка успел это выяснить, прежде чем погибнуть... А он даже отомстить за него не может, лишен этого последнего горького права... И не потому ли так упорно спорит с Лонгом, подбирает аргументы в пользу гипотезы о враждебных действиях творцов энтропии? Но одно дело споры и отвлеченные рассуждения, другое — конкретные действия. Он никогда не сможет отдать приказ о бомбардировке. Осталось одно. Бежать. Признаться в собственном бессилии. Завтра он даст команду об отлете. Завтра... Но сегодняшняя ночь еще принадлежит ему... Он еще может надеяться на что-то, может быть, на

чудо... Верил же в чудеса Глеб... Не раз говорил о том, что в космосе скрыто немало неизвестных, неподвластных нам сил...

Шорох за спиной над дверью в том месте, где висел экран фона корабельной связи, заставил его резко обернуться. Вызов? Нет, сигнальная лампа не горела... Но Рент отчетливо слышал странное потрескивание в обесточенном аппарате. Надо будет сказать техникам, чтобы они... И вдруг зеленая клавиша выключателя медленно, словно нехотя, ушла в глубь панели. Экран вспыхнул неестественно ярким голубым светом. И перед ним без всякой паузы появилось невероятно четкое объемное изображение лица человека, о котором он только что думал. Лицо Глеба. Оно словно плавало в голубоватой дымке, за его головой нельзя было рассмотреть никаких деталей, а само изображение казалось неправдоподобно резким, словно экран этого паршивенького фона мог дать такое разрешение...

— Привет, старина. Я, кажется, очень поздно? Извини... Знаешь, привычные корабельные циклы времени для меня здесь немного сместились... — Глеб словно специально подбирал ничего не значащие вежливые слова, давая Ренту возможность прийти в себя.

— Ты?! Но как же, ты же...

— Да, остался внизу.

— А связь, как ты мог...

— Это не наша связь. Я подключился к тебе напрямую.

— Что значит — не наша связь? — Рент уцепился за это слово, будто оно могло объяснить все остальное.

Глеб покачал головой.

— У них нет передающих камер. То, что ты видишь, мое лицо, голос — это всего лишь определенный набор электронных сигналов, поданных в нужной последовательности.

— Что ты хочешь сказать? Что с тобой случилось?!

— Подожди. Об этом потом. Знаешь, почему они до сих пор не выходили на связь? В четвертом томе психолингвистики на странице... — Экран мигнул, и изображение на секунду пропало. — Извини. Это помехи.

Только сейчас Рент спохватился. Помехи. Всего лишь помехи. Передача могла прерваться каждую секунду, а он не узнал самого главного.

— Ты сможешь дать пеленг для скутера? Где лучше его посадить?

— Скутер не нужен. Подожди. Не возражай, у нас не так много времени, а мне столько нужно сказать тебе. И это гораздо важнее всего остального.

— Остального? Чего остального?!

— Я прошу тебя выслушать, не перебивая. Потом ты задашь вопросы. Если останется время. — Он помолчал секунду, печально и внимательно всматриваясь в лицо Рента, словно хотел запомнить его навсегда. — Много тысячелетий назад анты начали расширять границы нашего мира, и тогда вдруг выяснилось, что хаос, окружавший нашу Вселенную, не так уж беспомощен, как казалось вначале. В общем, эта

аморфная масса активно сопротивляется любому воздействию и стремится расширить свои границы за счет нашего мира. Между антами и этим миром хаоса завязалась война, она продолжается до сих пор. В отдельных наиболее уязвимых частях нашего мира анты строили защитные станции, преграждавшие путь энтропии...

— Значит, все-таки плотина... Лонг был прав...

— Все это я говорю только, чтобы ты понял самое главное. Наши роботы, соприкоснувшиеся с энтропийным полем, ненадежны. Они могут стать носителями этого враждебного людям хаотического начала. Нельзя допустить, чтобы вы увезли их с собой на Землю.

Рент видел, как лицо Глеба на экране постепенно искажалось, покрывалось рябью помех, одновременно, очевидно, росло и напряжение передачи, потому что свечение экрана все увеличивалось и теперь отливало ослепительным фиолетовым блеском. Шипение и треск внутри аппарата усилились и перешли в противный зудящий визг. Рент увидел, что на фоне аварийного экстренного вызова, стоящего на его столе, замигал красный сигнал, но он не двинулся с места.

— Уводи корабль. Мы будем сворачивать пространство вокруг планеты, замыкать эту его часть. Слишком велик прорыв, его нельзя ликвидировать иначе.

— Но ты, как же ты?!

— Контакт все-таки возможен... В других частях... Там, где напряжение меньше, вы сможете... Анты ждут помощи, теперь они знают... Другие операторы... — Визг перешел в громовой вой. Больше ничего нельзя было разобрать. Ослепительно вспыхнул в последний раз экран. Лицо Глеба вновь на несколько секунд стало четким.

— Не забудь про четвертый том лингвистики, там код к записи, сделанной в долговременной памяти Центавра. Это вам подарок от антов. Его надо расшифровать, я надеюсь, ты справишься, старина, прощай...

Без треска, без вспышки изображение исчезло, словно его никогда и не было. Все заполнил собой тоскливый вой аварийного вызова.

Несколько секунд Рент стоял оглушенный, чувствуя, как на лбу у него выступают холодные капли пота. Потом медленно, нетвердой походкой он подошел к столу и надавил на клавишу фона.

— Что случилось?

— Направленный выброс энтропии из протуберанца в нашу сторону. Это похоже на атаку, капитан. Я не могу к вам пробиться вот уже полчала... Включены резервные мощностии... Защита едва справляется, что будем делать?

— Отдайте команду к стартовой подготовке. Мы уходим.

На второй день после включения основной тяги и начала разгона Элана исчезла со всех экранов. Исчезла, чтобы никогда больше не появляться. На ее месте в этой части пространства возникла невидимая черная звезда. В научных справочниках она получила наименование «Черная дыра № 198-2».